

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМЕНИ
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ
(БУЛГАКОВА)

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ

**СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 47.04.01 Философия
Магистерская программа - Философская антропология и философия
культуры
очной формы обучения, группы 87001613
Бацановой Софьи Владимировны

Научный руководитель
к. филос. н., доцент
Кузнецова А.В.

Рецензент
к. филос.н., доцент
Монастырская И.А.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОНСТРУИРОВАНИЮ ТЕЛЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	8
1.1 Проблема телесности в современной культуре	9
1.2 Методология конструирования телесности	22
1.3 Стратегия конструирования телесности	37
2. ТИПОЛОГИЯ СТРАТЕГИЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ	
2.1 Интернальные стратегии конструирования телесности	45
2.2 Социально-ориентированные стратегии конструирования телесности	54
2.3 Девиантные стратегии конструирования телесности	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	81

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современная культура пронизана интересом к человеческой телесности. В истории философии и культуры проблема тела и телесной идентичности возникала неоднократно, но сегодня социальное знание делает тело человека отражением множества социальных практик. Общественное бытие получает визуальное воплощение в телесности человека, становясь универсальной социальной ценностью. В обществе индустриального типа, декларирующего в качестве своих основ идеи свободы и независимости человеческой личности, наиболее ярко становится видна значимость различия между практиками индивидуальной свободы и регулярно воспроизводимыми практиками коллективных управляемых действий. Как не странно, но именно в социальных реалиях XX века утратились практики телесной индивидуальности и телесной свободы, телесность деиндивидуализировалась.

В социальном бытии современного человека ярко выразился диссонанс между индивидуальным и массовым, личным и общественным, автономным и деперсонализированным сквозь линзу телесного контроля. Такой феномен социальной жизни, как телесная индивидуальность, нашел свое воплощение в целом спектре разнообразных дискурсов и практик. Но диалектика свободы и дисциплины тела может быть объяснима парадигмальными установками самого современного общества, где одновременно существуют стремление к абсолютной свободе человеческого тела и система жестких требований контроля над телом и человеком.

Образ тела, четкие инструкции по его оформлению и презентации, развитию и функционированию, формирование отношения к телесности важное условие построения, развития общества, как целостного феномена. Теория социального конструктивизма осмысливает телесность как тело человека, подвергшееся влиянию множества различных социальных факторов. Рассмотрение телесности как категории человеческого

существования, позволяет увидеть в ней один из важнейших факторов социального бытия. Сегодня стратегии конструирования телесности, отражают одновременно индивидуальную специфику существования человека и его социальный образ, предельно заостряя проблему индивидуальной и социальной составляющих природы человека.

В XXI веке культурные противоречия, научные и технологические прорывы, цивилизационные риски требуют глубокой рефлексивной работы, по оценке существующих и непрестанно возникающих стратегий конструирования телесности. В условиях их умножения и усложнения значительно возрастает вероятность «мягкого», но непрестанного контроля и управления телесностью, что предопределяет возникновение новых рисков социального бытия: тело понимается как отправная точка конструирования идентичности.

Степень разработанности проблемы. Современное социогуманитарное знание, включая дисциплинарное пространство философии, интерпретирует человеческое тело и телесность как феномены, во многом детерминированные общественными и культурными нормами, установками и ожиданиями. Тело человека рассматривается как социальный конструкт определённого рода, располагаемый в различных культурных и социальных координатах. Бытие тела в культуре, невозможно без социально регламентированного представления об эстетических идеалах телесной красоты, методах его «воспитания» и функционирования, без четко выраженного отношения к телесности, как к категории человеческого существования. В истории философии мы обнаруживаем широкий ряд значений понятия «тело», а проблематика телесности занимает достаточно широкую сферу жизни как общества, так и индивида.

С конца XIX века телесность выступает фундаментальным феноменом человеческого бытия и ее изучению в разных аспектах в ключе панфизиологизма уделяют внимание мыслители, ставшие наиболее

значимыми для философии XX века – З. Фрейд¹, К.Г. Юнг². Углублённый анализ проблемы человеческой телесности осуществлён философами феноменологического направления – Э.Гуссерлем³, М. Мерло-Понти.⁴ Идеи экзистенциализма – Ж.-П. Сартра⁵, К.Ясперса⁶, А. Камю⁷, Г. Марселя⁸ – оказали сильное воздействие на понимание природы телесности человека в XX веке. Философы данного направления рассматривали влияние телесных экспрессии и переживаний на внешний и внутренний языки тела. Наиболее последовательны в символизации феномена человеческой телесности были философы постмодернизма – Ж. Деррида⁹, Ж. Делез¹⁰, Ф. Гваттари¹¹, М. Фуко¹², Ж. Бодрийяр¹³, понимающие телесность, как необходимое условие осознанного проявления индивидуальности. Тело, выступающее носителем социальных практик (производственных, властных, культурных), реализуя собственные желания и аффекты, становится социальным конструктом.

Во многих работах к вопросу телесности обращается М. Фуко¹⁴, понимающий человеческое тело, как способ демонстрации влияния дисциплинарных пространств. Ж.-Л. Нанси¹⁵ в работе «Corpus», рассматривает телесность не только как основу личности, но и как единственно возможную форму выражения и обнаружения социальности человека. Феномены тела и телесности представляют большой интерес для современных зарубежных философов и ученых. В работах этих мыслителей

---

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.

² Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Издательство «Ренессанс», 1991. 304 с.

³ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч.1: Исследования по феноменологии и теории познания М.: Академический проект, 2011. 565 с.

⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: «Ювента», «Наука», 1999. 605 с.

⁵ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. — М.: Республика, 2000. 639 с.

⁶ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: «Канон+» РООИ – «Реабилитация», 2012. 384 с.

⁷ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: - М.: Политиздат, 1990. 415 с.

⁸ Марсель Г. Метафизический дневник. СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2005. 587 с.

⁹ Деррида Ж. Голос и феномен. М.: Алетейя, 1999, 208 с.

¹⁰ Делёз Ж. Post scriptum к обществам контроля // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: «Наука», 2004. С. 226–233.

¹¹ Гваттари Ф., Делёз Ж. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009, 261 с.

¹² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999, 480 с.

¹³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006, 269 с.

¹⁴ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

¹⁵ Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. 230 с.

человек как субъект обладает первостепенной важностью, что обуславливает описание и осмысление такого важного элемента субъективности, как тело.

Рассматривают телесность в социокультурном аспекте такие отечественные ученые, как В.Л. Круткин¹⁶, А.Ш. Тхостов¹⁷, Б.В. Марков¹⁸, В.А. Подорога¹⁹, П.Д. Тищенко²⁰, Б.Г. Акчурина²¹. И.М. Быховская²², В.Н. Никитин²³, Л.В. Жаров²⁴, И.Е. Сироткина.²⁵

Вопросами социальных практик и социального конструкта тела занимались виднейшие социологи XX – начала XXI вв.: М. Вебер²⁶, Т. Парсонс²⁷, П. Бергер, Т. Лукман²⁸, Э. Гидденс²⁹, П. Бурдьё³⁰. Из отечественных ученых, рассматривавших телесность в этом ключе, можно отметить В.В. Волкова, О.В. Хархордина³¹, Т.И.Литвинова³², Т.В.Торопова.³³

Стратегическое планирование деятельности, как часть стратегического менеджмента, представлена в работах И. Ансоффа³⁴, О.И. Вихански³⁵

---

¹⁶ Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. №4. С. 143–151

¹⁷ Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002, 287 с.

¹⁸ Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Издательство «Лань», 1997, с.384.

¹⁹ Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995, с 341.

²⁰ Тищенко П.Д. Жизнь и власть: Био-власть в современных структурах врачевания // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып.4 / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010. 255 с.

²¹ Акчурина Б.Г. Человеческая телесность и социальные аспекты ее идентификации: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11: Уфа, 2004 315 с.

²² Быховская И.М. «Номо somatikos»: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000, с.208.

²³ Никитин В.Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд. М.: Когито - Центр, 2006, 320 с.

²⁴ Жаров Л. В. Человеческая телесность: философский анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского Университета, 1988. 128 с

²⁵ Сироткина И.Е. Шестое чувство авангарда: танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 208 с.

²⁶ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, 808 с.

²⁷ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000, с. 880.

²⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 1995, 323 с.

²⁹ Гидденс Э. Девять тезисов о 3 будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем: альманах. М.: Зима. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 57–82

³⁰ Бурдьё П. Начала. М.: Socio- Logos, 1994, 288 с.

³¹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008, 298 с.

³² Литвинова, Т.И. Конструирование социальной реальности. Механизмы возникновения дисциплинарных пространств // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2013. № 3 (25). С. 158–168

³³ Торопова Т. В. Конструирование телесности в культуре постмодерна : автореф. дис. ... канд. философ. наук / науч. рук. И. А. Макаров ; ВолГУ. - Волгоград, 2017. - 27 с.

³⁴ Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. — СПб: Питер Ком, 1999.—416 с.

³⁵ Виханский О.С. Стратегическое управление: Учебник. М.: Гардарики, 1998. 296 с

Объект исследования – феномен телесности в современной культуре.

Предмет исследования – характер и особенности процессов конструирования телесности в культуре.

Цель исследования: выявить основные стратегии конструирования телесности и механизмы их реализации в современных культурных практиках.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1. определить значение феномена телесности в современной культуре;
2. проанализировать основные теоретические подходы к проблеме конструирования телесности в современной философии;
3. дать понятие «стратегия конструирования телесности» и охарактеризовать особенности ее формирования;
4. определить принципы дифференциации различных типов стратегий конструирования телесности в современной культуре.

В качестве методологической основы исследования использован философский анализ понятия телесности, позволяющий обосновать необходимость возникновения неклассического понятия в рамках логики развития европейской философии. В осмыслении социокультурных процессов использован системный подход. На этапе обнаружения и описания структуры понятия телесности был использован структурно-функциональный метод. Для выявления двух культурных программ, формирующих телесное бытие человека, был использован компаративистский метод.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

Автор ставит задачей рассмотрение механизма формирования и изменения стратегий конструирования телесности в современной культуре. В данной работе выявляются основные подходы к анализу феномена конструирования телесности, определяются структура процесса конструирования телесности в соответствии с выбранной стратегией,

субъекты конструирования, анализируются факторы влияющие на выбор и изменение стратегии конструирования, дается возможная классификация, в основу которой положено понятие локус-контроля, выявляется взаимосвязь между стратегиями и моделями конструирования телесности, рассматриваются практики конструирования телесности в зависимости от субъекта конструирования.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что исследование позволяет рассмотреть телесность как результат конструирования различных субъектов, функционирующих в современной культуре. В диссертации выявлены субъекты конструирования, их цели и методы. Материалы диссертационной работы могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по философской антропологии и философии культуры, культурологии, эстетике.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОНСТРУИРОВАНИЮ ТЕЛЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В современной культуре тело человека становится новым объектом социального и индивидуального творчества. На протяжении длительного времени человек в европейской культуре осмысливался как существо, прежде всего, духовное и разумное, телесная составляющая его бытия отходила на второй план, ей отводилась роль необходимого физического вместилища личности. Тело нуждается в постоянном контроле со стороны разума, которые его не просто ограничивает, но и направляет для сохранения баланса личность / тело, построенного на иерархическом превосходстве духа над телом. Предметом научного анализа проблема личности и её тела становится только в XX веке. Масштабный кризис всех сфер жизни, произошедший в конце второго тысячелетия, привел к изменению социальных устоев, появлению на социальной и культурной сцене субъектов, ранее не рассматривавшийся в такой роли (женщин, цветных, квир-субъектов). Это привело к тому, что был поставлен под сомнение тезис об том, что мыслить, рассуждать и творить историю могут самые разные люди, не только белые европеиды мужского пола.

Социальные и культурные отношения проецируются на физическое тело, что делает его носителем как социальных, так и культурных ценностей конкретного исторического периода. В этой связи особенно актуальным становится вопрос о ценности самого тела в пространстве человеческого бытия. Понимая под *телесностью* конструкт целостности человеческого бытия, создающийся результате опыта осознания своего тела в пространстве и социуме, мы должны понимать, что телесность изначально включает бинарную оппозицию души и тела, природных, психологических и социокультурных составляющих человеческой личности. Телесность, всегда является результатом индивидуального опыта. Несмотря на существование определенного дискурса телесности, личность всегда встраивает свои представления о теле в собственную систему координат.

Для дискурса телесности тело - это знак, с помощью которого маркируются понятиями «красота», «здоровье», «женственность/мужественность», «успешность», «достоинство» различные физические характеристики. . От эпохи к эпохе меняется социальный смысл одних и тех же телесных особенностей. Современная культура выводит вопрос о теле и его месте в человеческом бытии на первое место, изменяя и трансформируя «традиционные» представления о телесной норме, постулируя право человека на собственную телесность.

1.1 Проблема телесности в современной культуре

Человеческое тело – одно из фундаментальных понятий культуры постмодерна. Без внимания к телу невозможно понять ни современную массовую, ни современную элитарную культуру. Одной из наиболее важных функциональных составляющих культуры последних десятилетий стала ее адаптивная способность, помогающая человеку приспособиться к постоянным социальным и культурным изменениям, создать иллюзию возможности естественного разрешения экзистенциальных проблем. Естественным следствием массовости культуры становится публичное обсуждение различных сфер приватной жизни. Открытость рассказа о личном опыте в самых разных сферах приводит к выработке разнообразных шаблонов и моделей поведения человека и его отношения к себе, своим действиям, своему опыту. Важно то, что здесь человек получает возможность, часто впервые, выразить отношение к себе, оценить собственные поступки, стремления и желания, но и сопоставить свой жизненный опыт и опыт выражения подобного самоотношения с подобным же опытом, явленным иными индивидами.

В современной культуре все большее внимание уделяется сфере соблазна и желания, искусственно педалируемой массовой культурой как естественной и единственной наследницей традиции низовой культуры в целом. Массовая культура основана на структурах повседневности, об этом

свидетельствуют ее утилитарность и прагматизм. Массовая культура апеллирует психофизиологическим реакциям, ориентируясь на эксплуатацию сексуального, как базового компонента структуры массового сознания. Эта закономерность была отмечена еще в работах О.Шпенглера и Х. Ортеги-и-Гассета, которые, осмысливали массовые процессы, связанные с кризисом культуры Европы в начале XX в.

Отношение к собственной телесности становится для массового человека тем маркером, который позволяет ему и отличать себя от остальных и осуществлять процессы самоидентификации. Телесности в массовой культуре подчинено преобладающее большинство ее смыслов, на соматических комплексах основываются механизм моды и рекламы, проблема телесности является основной практически во всех жанровых структурах, телесность обыгрывается, на ней основываются многочисленные аллюзии, она становится предметом для эвфемистических трюизмов, обходящих через слово, не подлежащее называнию, иначе говоря, вокруг телесности создаются целые ансамбли дискурсов. Однако необходимо признать, что приоритет открытия дискурса телесности принадлежит не только массовым формам культуры.

Интерес к этой сфере демонстрирует и философия XX в., понимающая телесность как фундаментальную основу бытия человека, рассматриваемого в широком диапазоне: от панфизиологизма Ф. Ницше и З. Фрейда до социокультурных комплексов постмодернистской философии («власть-знание» М. Фуко, «телесность текста» Р. Барта, «символическая природа желания» Ж. Лакана, и «мышление соблазна» Ж. Бодрийара. Помимо этого, проблема телесности тесно связана с гендерной проблематикой, проблемой трансгрессии выдвинутой у Ж. Батем и М. Фуко, предполагающей, что единственно возможный способ бытия - это выход личностью за рамки своего существования.

Но в исследованиях культуры произошло четкое разделение понятий «тело» и «телесность». Можно выделить несколько аспектов демаркации: во-

первых, тело – это, прежде всего, физический объект, лишенный субъектности и духовности, во-вторых, в структуре тела можно выделить внешние и внутренние компоненты. Телесность, в свою очередь, представляет культурный и психологический феномен, связывающий душевное и телесное в человеке.

П.Д. Тищенко в Новой философской энциклопедии пишет, что понятие «тело» «свидетельствует о состоявшейся категоризации бытия на “внешнее” и “внутреннее” – то, что открыто взгляду (явлено) в вещах и человеке, и невидимое – потустороннее, сферу идеальных сущностей и т.д.». ³⁶ Постмодернизма же (М. Фуко, Ж.Л. Нанси, Ж. Деррида и др.), по мнению А.П. Огурцова, выдвинул «программу деперсонализации субъекта, обратил внимание на сопряженность чувственности и мысли, на телесность сознания, которая не позволяет использовать оппозицию «внешневнутреннее» и апеллирует к аффективным сторонам человеческого бытия, прежде всего к сексуальности и негативным аффектам (садо- мазохизму, жестокости и др.)». ³⁷ Внутренние компоненты тела познаются через ощущения и чувства, в то время как внешние не только ощущаются, чувствуются, но и видятся другими субъектами.

М.М. Бахтин так разделял внутреннее и внешнее тело «внутреннее тело – мое тело как момент моего самосознания – представляет собой совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединенных вокруг внутреннего мира». ³⁸ Следуя этой логике, мы приходим к выводу, что телесность порождается нашим сознанием.

В проблемное поле современного философского анализа тела и телесности входит изучение их границ, диалектики внешнего и внутреннего уровней телесности, свободы и детерминированности телесной организации человека в культуре. На наш взгляд, можно выделить несколько

---

³⁶ Тищенко П.Д. Тело // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина и др. М. : Мысль, 2001. Т. 4. с.28

³⁷ Огурцов А.П. Тело // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина и др. М. : Мысль, 2001. Т. 4. с.28

³⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Худ. лит., 1979.С 54.

исследовательских подходов по-разному подходящих к вопросу телесности: психоаналитический, онтологический, феноменологический и социально-культурный.

Говоря о методологии исследования телесности, нельзя обойти вниманием *психоаналитические* школы (З. Фрейд, К. Г. Юнг, В. Райх, А. Лоуэн, Э. Нойманн и др.). в рамках этих направлений акцент делается на рассмотрении природы телесности человека в знаково-символических контекстах, обусловленных социокультурным пространством. З. Фрейд видел в теле фактор, психическую жизнь человека. «Собственное тело и, прежде всего, его поверхность являются тем местом, из которого одновременно могут исходить внешние и внутренние восприятия. Оно рассматривается как другой объект, но на ощупывание реагирует двумя видами ощущений, из которых одно можно приравнять к внутреннему восприятию. ... «Я», прежде всего, – телесно; оно не только поверхностное существо, но и само – проекция поверхности».³⁹ З. Фрейд осмыслил место телесности в формировании внутренних структур телесности и в процессе самоидентификации.

Тело не дается изначально, как это может быть выведено из факта наличия у человека тела. З. Фрейд видит тело, как формирующееся в процессе деятельности.

К.Г. Юнг ввел в научный оборот теорию о теле как первого источника знаков, символов и коммуникации, способствовал раскрытию знакового смысла человеческой телесности. Он убедительно показал, что в телесность может включать как собственное «Я», так и «Я Другого», а так же архетипы коллективного бессознательного. «Раз человеческое тело представляет из себя целую галерею органов, у каждого из которых своя долгая история эволюции, логично было бы ожидать такого же устройства и от разума. Последний не может не иметь предыстории, коли она была у тела, в котором разум обитает. Говоря о «предыстории», я вовсе не имею в виду, что разум

---

³⁹ Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. - М.: ООО «Фирма СТД», 2006. Т. 3, с.314

развивается, соотносясь с прошлым посредством языка и других традиций культуры. Я имею в виду биологическое, неосознанное развитие ума в доисторическую эпоху наших древних пращуров, психика которых еще не далеко ушла от животных».⁴⁰

Известный психоаналитик и философ Э. Фромм акцентирует внимание на приоритете телесности в процессе познания человеком окружающей действительности. Он пишет, что «Если я – это то, что я есть, а не то, что я имею, никто не в силах угрожать моей безопасности и лишит меня чувства идентичности. Центр моего существования находится во мне самом; мои способности быть и реализовать свои сущностные силы».⁴¹

Позиция Ж. Лакана объединяет психоаналитический и символический подходы. Для него тело не однородно и не единично. Отталкиваясь от мысли З. Фреда «В психической жизни человека всегда присутствует «другой»⁴² Ж.Лакан задается вопросом о том насколько Другой может быть вовлечен в формирование телесности Я. Одним из ключевых для лакановского психоанализа стало понятие «стадии зеркала». Стадия зеркала – это этап формирования Я «Перед ребенком стоит задача овладеть образом своего тела. Этот антиципированный образ тела в смысле пригодного целого занимает место страха, связанного с «фантазией о расчлененном теле». Опережая идентификацию с другим, осуществляемую при посредстве речи, он будет структурировать Самость или, точнее сказать, Я. Эта первая идентификация становится основой для всех последующих identifications, ... первоначальная функция тела определяет воображаемое. Она отводит место для нарциссизма... Стадия зеркала представляет собой разделительную линию между категориями воображаемого и символического: по ту сторону фантазирования и узнавания образа, предшествующего физической форме тела, в ней появляются очертания

---

⁴⁰ Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Медков С.Б., 2006, с.67

⁴¹ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1996. С.136

⁴² Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». / Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. - М.: ООО «Фирма СТД», 2006. Т. 9. С. 65

символических цепей и тень некоторой третьей фигуры, наверное, фигуры смерти. Было бы заблуждением, если бы человек стал считать себя создателем этих цепей.»⁴³ На стадии ребенок видит в зеркале свой образ как целое, но при этом у него еще сохраняется неспособность к координации движений своего тела, приводящая к восприятию своего тела как фрагментированного. Для выхода из этой ситуации ребенок идентифицирует себя с образом, тем самым фрагментируя собственное «Я». Тело вне «Я» - это трехчастная структура: тело реальное, тело символическое и тело воображаемое. Ни одна из частей не может существовать без других. Тело собирается в единое только образ, зрительное и вербальное включение его в систему культуры, в которой происходит «символическая, программная прошивка тела».⁴⁴

Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Батай продолжили рассмотрение темы телесности, подойдя к ней со стороны *символизации* феномена. Данные исследователи понимали телесность как возможность актуализации индивидуальности через реализацию желаний и аффектов, отражение властных и символических социокультурных практик. Тело наделялось ими самыми разными дискурсивными значениями. «Красивое тело, красивое лицо несут в себе смысл красоты, если представленная в них полезность несколько не исказила их, если они не могут навести на мысль о существовании, сведенном к служению, и по этой причине отягощенному».⁴⁵ В рамках символического подхода тело выходит за свои физические границы и становится инструментом установления связей между человеком и внешним миром. Она одновременно связывает личность с трансцендентным началом в самом себе через Дух и с миром вещей и другими людьми. Такое свойство телесности описывает Ж.-Л. Нанси «временами это тело само есть

---

⁴³ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном (сборник). М.: «Русское феноменологическое общество», издательство «Логос», 1997. С.3.

⁴⁴ Три тела в душе: Виктор Мазин о соотношении реального, воображаемого и символического // Теории и практики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/7650-mazin>. (Дата обращения 20.04. 2018).

⁴⁵ Батай Ж. История эротизма М.: Логос: Европейские издания, 2007. С.116.

то «внутри», где формируется или проецируется представление (ощущение, восприятие, образ, память, понятие, сознание), и в этом случае «внутри» предстает самому себе как чуждое телу, т.е. как дух».⁴⁶ Телесность всегда имеет символичность, отражающую идеалы и нормы эпохи, помогая процессу идентификации. Но в то же время она может выступать символом, внутренним аспектом внешнего проявления, подчеркивающим глубинные особенности культуры, мировоззрения, ценностей, культурных и социальных установок.

Человек с точки зрения *феноменологического* подхода – сочетание, гармоничное или нет, внутреннего и внешнего тела. Последовательный анализ телесности дан в рамках феноменологического направления - Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, М.Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. М. Бахтина, в их работах человеческий субъект – обладатель первостепенной важности, что дало толчок осмыслению тела как важного элемента субъективности. Телесность мыслится как определенная граница с миром, разделяющая внутренне и внешнее. Они изучали телесность во взаимосвязи с сущностью движения, восприятия, сознания и т. д. М. Хайдеггер подчёркивал, что сфера телесного бытия обуславливает мышление субъекта.

М. Мерло-Понти представляет тело, как самостоятельный интерес, он делает акцент на восприятии собственной телесности, её связи с самоидентификацией. Главной проблемой исследований становится абсолютизация тела, мыслитель полагает, что вещи мира внедрены (инкрустированы) в плоть человека.

Исследование неевропейских культур, осмысление закономерностей культурных механизмов организации социума приводят к разработке феноменологического подхода. Его суть емко выразил М. Мерло-Понти, «тело - это наш общий способ обладания миром».⁴⁷ В рамках этого подхода

---

⁴⁶ Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. С.89.

⁴⁷ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. - СПб.: «Ювента» «Наука», 1999. С.

«тело» - это субъективное начало, универсум, состоящий из внутреннего и внешнего компонентов.

Под «внутренним» мы понимаем тело, существующее в сознании личности (желания, ощущения, потребности). «Внутреннее тело - моё тело как момент моего самосознания - представляет собой совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединённых вокруг внутреннего мира».⁴⁸ Главная характеристика внешнего тела - физическая осязаемость. Человек с точки зрения феноменологического подхода – сочетание, гармоничное или нет, внутреннего и внешнего тела.

Для Сартра «Проблема тела и его отношений с сознанием часто была затемнена тем фактом, что тело прежде всего рассматривают как определенную вещь, имеющую свои собственные законы и поддающуюся определению из вне, тогда как сознание постигают глубокой интуицией, которая свойственна ему. В самом деле, если, постигнув «мое» сознание в его абсолютной глубине и посредством ряда рефлексивных актов, я попытаюсь соединить с ним определенный живой объект, образованный нервной системой, мозгом, железами, органами выделения, дыхания и кровообращения, сама материя которых может быть проанализирована химически в атомах водорода, азота, фосфора и так далее, то я встречу с непреодолимыми трудностями; но эти трудности проистекают из того, что я пытаюсь соединить мое сознание не с моим телом, но с телом других».⁴⁹ Следовательно, Сартр представляет себе тело как понятие, которое мыслится нами отдельно от нашего сознания, это «вещь». Проблема сознания и тела возникает из-за неверности наших познавательных установок. Сартр пишет, наше сознание мы постигаем «изнутри» с помощью интуиции, а тело познается и описывается нами только как объект - вещь среди вещей. Следовательно, будет совершенно закономерным невозможность нашего

---

⁴⁸ Там же с. 59

⁴⁹ Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. М., 2002. С. 326

сознания как-то отождествлять и соотносить себя с таким образом тела. Сартр видит причину такой ошибки в том, что мы не имеем в своем сознании образа собственного тела, там всегда только образ тела Другого, тела одного из многих, имеющих сходные свойства, но не имеющего отношения ко мне, к моему бытию-для- себя.

Особый интерес представляет исследование телесности в рамках *социально-культурного* подхода. В современной философии рефлексия телесности предполагает ее рассмотрение как особый горизонт человеческого опыта. Понимание телесности как социокультурного феномена, понимает её как «преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и выполняющее определенные социокультурные функции».⁵⁰ Человеческое тело подвергается в условиях культуры и общества постоянному преобразованию, «нормализации» и «исправлению».

Выдающийся французский философ М. Фуко посвятил этой теме целую серию работ, для него **тело – это возможность показать через него историю наук и европейских социальных институтов.** Концепция дисциплинарной власти предполагает, что тело предстает как объект властных отношений, которые через четко определенные процедуры и приемы, требующие методичного и неукоснительного применения, формируют такой вариант тела, который бы максимально соответствовал задачам, поставленным обществом. Моделирование и систематизация приходят на смену символичности тела, которая была свойственна древности и средневековью. С. Фуко понимал власть, как «многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются,

---

⁵⁰ Быховская И.М. Телесность как социокультурный феномен // Культурология. XX век: словарь / гл. ред. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 464.

усиливаются, переворачиваются»,⁵¹ Её задача – создание образов «попкорных тел», постепенное превращение личностей в инструментальные комплексы, призванные максимально эффективно выполнять поставленные задачи.

Фуко акцентировал внимание на асимметричности властных отношений: власть формирует субъекта деятельности, конструирует посредством идентичности через ярлыки, но несмотря на это, власти не может быть подчинен ему полностью. Объект власти – всегда самостоятельная личность, имеющая собственный опыт, сформировавшийся в процессе собственной жизни и собственного опыта. Это противоречие закладывает возможность для творческой интерпретации властных директив.

Объект власти умалчивает, саботирует, утаивает информацию, приспособливает ее к собственным социальным условиям, создает возможность для разрушения власти. В основе сопротивления норме лежит свобода, обладающая собственным онтологическим статусом. Именно в удовольствии побега из-под гнета власти кроется обязательное условие таких властных отношений, объект власти привносит в процесс смешной и игровой компоненты, создавая бесконечность спирали «власть-обман-удовольствие». «Сопротивление объекта власти приводит к изменению системных отношений, формированию других форм субъективности, отрицающих систему идентификаций, «закон истины», навязываемый господствующими культурными стереотипами. Система координат власти имплицитно включает «элемент свободы».⁵²

Ж. Бодрийяр теоретизирует телесность, стремится показать значимость телесности для современного общества, выделяя естественные и культурные потребности тела.

---

⁵¹ Фуко М. Власть и тело // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. с.192

⁵² Курочкина Л.Я., Петрушина В.Н. Концепция власти М. Фуко // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9. № 6-1. С. 116-119.

В XXI веке дискурс тела развивается стремительно и включает в себя новые практики, сформированные на базе основных модных, экономических и интеллектуальных трендов. Тело не только дисциплинируется с помощью практик, является фетишем и капиталом, тело становится платформой для протеста, виртуализируется и отчуждается. Наметим основные направления дискурса тела в современной российской культуре: это «забота о себе», трансформация тела, тело-вещь и протестная телесность.

В современном мире человеческое тело стало объектом социального творчества, подвергаясь осознанной, целенаправленной трансформации с использованием целого спектра методик. Личность надзирает за телом и контролирует его, ограничивая его в рамках необходимых для обеспечения её устойчивого существования. Тело не имело самостоятельной ценности, ценность имели его качества, дополняющие образ личности. Увеличивающееся число методик визуального изменения тела, создание целого ряда образов, противоречащих принятому в европейской культуре, ставят вопрос о ценности такого конструирования в современном обществе.

Социальные и культурные отношения проецируются на физическое тело, что делает его носителем как социальных, так и культурных ценностей конкретного исторического периода. В этой связи особенно актуальным. Телесность, несмотря на историческую обусловленность, всегда является результатом индивидуального опыта. Несмотря на существование определенного дискурса телесности, личность всегда встраивает свои представления о теле в собственную систему координат.

В постмодерне возникает иное видение механистической модели тела. Для М.Фуко - это результат воздействия дисциплинарных практик, для Ж. Бодрийера - базовая форма для различных сфер жизни (для медицины (труп), для религии (зверь), для политики (робот), для экономики (манекен)).

Человеческое тело существует одновременно трёх смысловых пространствах - природном, культурном, социальном, каждое из которых создает и соответствующие ему конструкты телесности. Телесность

одновременно имеет индивидуально-психологическую, смысловую и культурную составляющие, которые являются результатом как личностного, так и онтогенетического развития. Телесность не тождественна телу, в его биологическом понимании, она – феномен одновременно и восприятия, и самосознания, которые формируются исключительно во взаимодействии с другими биофизическими объектами. Границы телесности в отличие от границ тела, изменчивы и могут включать в себя, как объекты внешнего мира, так и быть меньше реального тела.

Отталкиваясь от физиологической основы, свойственной собственному полу и расе, человек конструирует в соответствии с социальным и культурным запросами собственное представление о теле. Тело стремится соответствовать эпохе, отражать её ожидания и представления, об идеальном, или хотя бы нормальном теле. Эти представления конструируются в модели тела – коллективные представления о теле, несущие на себе отпечаток эмоций сообщества, через них конструируется общение человека со своим телом.

На каждом этапе человеческой истории одновременно сосуществуют конкурирующие модели тела, которые находятся в конфронтации, потому что идеалы и нормы телесности имеют сословный, классовый или субкультурный характер. Телесность может быть, частью культурной и социальной картины мира, будучи подобным другим таким же телами, или же демонстративно противоречить окружающей действительности. Такая отличительность от нормы может носить как положительный (красивое тело, лучшее воспроизведение в плоти идеала), так и как отрицательный (некрасивое, больное, немощное, изуродованное тело) характер. При этом необходимо дифференцировать изначально уродливое тело (в результате болезни или обстоятельств, не зависящих от человека, и протестное тело, сконструированное своим владельцем с целью отличаться от большинства окружающих, раздражать их или же бросить им вызов).

В заключение необходимо отметить, что интерес к осмыслению

телесности человека в современной философии ярко выражен. Но необходимо осмысление социально-культурных механизмов, делающих телесность одним из аспектов социального творчества.

1.2 Методология конструирования телесности

Телесность – базовая характеристика человеческого бытия. В предыдущем параграфе мы говорили о подходах к пониманию ее в современной философии. Но культура и социальные практики последних десятилетий выводят проблему телесности на уровень объективной проблемы для большинства людей. Развитие медицины, гигиены, изменение системы питания и связей с природой привели к тому, что осознание специфики собственного телесного присутствия в этом мире стали вопросом, интересующим многих людей. Виртуализация и многомерность бытия ставят под сомнение многие постулаты как индивидуального, так и социального бытия, изменяются межличностные и межгрупповые связи, представления о нормах. Сегодняшний культурный дискурс глубоко телесноцентричен, он создает возможность для объяснения и интерпретации множества явлений и ситуаций, имеющих физиологическую основу. Многие ранее табуированные темы, связанные с телесными опытом и переживаемые, как глубоко личные, стали публично обсуждаемыми и телесное стало, если не политическим, то всеобщим. Такое изменение повлекло за собой необходимость изменения модели построения отношений с собственным телом, внезапно ставшим слишком открытым и социальным.

На первый план выходит человек, как актер, организующий процесс своей жизни и несущий за него ответственность. Постмодернизм отказался от традиции различения субъекта / объекта и понимания социальных и культурных характеристик, имеющих физиологическую основу, как стабильных и неизменных. Современная наука рассматривает гендерную и этническую идентичности, как социальные конструкты, отдавая приоритет не

физиологической основе, а субъективной реальности и условиям социальной и культурной среды, в которой происходит формирование личности.

Повышенное внимание к индивидуальному опыту и чрезмерная открытость чужого создают интересный феномен, когда физическое отделено от социального, но при этом социальное ориентировано на повышенное внимание качеству физического тела. Оно изначально нестабильно, требует повышенного внимания со стороны своего обладателя. Соединение физических возможностей и социальной заданности телесных ориентиров создает платформу для рассмотрения тела как изменяющегося социального и культурного конструкта. Теория социального конструирования делает акцент на динамическом характере социальных процессов, где творец одновременно выступает и как субъект, и как объект творения.

Понимание телесности как конструкта становится возможным в постмодерне именно потому, что современное общество понимает человека как нечто недостаточное, требующее постоянного вливания из вне. Это вливание может быть различным, в массовой культуре человек до своей полноты бытия может быть дополнен чем угодно: товарами, событиями, приобретенными статусами. Конструирование этой символической полноты бесконечно.

Для понимания особенностей конструирования телесности, нам необходимо развести два главных понятия: «тело» и «телесность». Несмотря на то, что мы ранее дали определение телесности, начнем мы с понятия «тело».

Тело - это первичное, базовое пространства каждого индивида, точка отсчета в нашем исследовании внешнего мира, в организации процессов социализации, создания диалога с другими участниками социального пространства. В теле мы можем видеть проекцию сущности субъекта во внешний мир.

А.В. Старовойтов видит в тело только как чистую материю, задействованную в процессе инкультурации. Он разводит понятия тела и телесности следующим образом: «Тело – средство связи с реальностью жизненного мира человека, а телесность – представленность соматического в сознании, источник, средство и результат управления процессами взаимодействия с миром посредством тела».⁵³ Но телесность – это не только система субъективных образов тела в сознании индивида, но еще и обобщенные и интериоризированные образы коллективной памяти.

Понятие телесности сравнительно недавно вошло в научный обиход, и его границы все еще подвижны. На протяжении всей истории человек стремился найти решение проблемы, как создать баланс между душой и телом, что могло бы быть посредником в этом процессе. По мнению В. П. Зинченко термин «телесность» изначально вводился именно с этой целью: «Для обсуждения путей одушевления тела и овнешнения, «оплотнения» души должно быть привлечено пространство «между», в котором бы находилось нечто, относящееся в равной степени и к душе, и к телу, но не было бы ни тем ни другим. Или, точнее, было бы плотью и души, и тела. Живое движение как минимум – посредник между душой и телом».⁵⁴ Демаркация тела и телесности происходит по различным основаниям.

Один из важных *критериев* этого ряда дает Л. В. Круткин, выводя диадду дух-тело за границы гносеологической проблематики: «Проблема телесности не является частью проблемы отношения души и тела, ведь для постановки психосоматической проблемы нужно пользоваться термином в "тело"».⁵⁵ Он назначение термина телесности в описывании метафизического аспекта тела: «Телесное бытие - сложная деятельность, а не просто вещная наделенность плотью. Телесность изначально, именно поэтому она представляет немалые теоретические трудности для своего понимания.

---

⁵³ Старовойтов А. В. Телесность человека как предмет познания. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psy-praxis.blogspot.ru/2011/12/blog-post_1539.html

⁵⁴ Психология телесности между душой и телом: исследователям в области телесности. М., 2005. С. 45

⁵⁵ Круткин В. Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. №4. С. 144.

Телесность совпадает с инстанцией "молчаливого" присутствия человека в мире»⁵⁶ Этот подход указывает на важность понятия телесности при описании физического и метафизического планов телесного бытия человека.

Еще одним критерием становятся физические характеристики, так как тело обладает определенными физическими характеристиками, которые в процессе культурного осмысливания приобретают позитивную или негативную оценку в соответствии с культурными и социальными ожиданиями. Телесность становится законченной оценочной структурой, которая помогает личности определить свое место в социуме. (На первый взгляд, такое суждение может показаться категоричным, но на протяжении всей истории человечества мы можем видеть, как культура задавала параметры красоты и уродства, которые в иную эпоху таковыми не являлись. Это и высокий лоб с отсутствием бровей в позднем средневековье, неестественные пропорции плечей–тали–бедер в мужском костюме эпохи бидермейер, пергидрольная белизна волос в 30-40 годы XX века и т.д.).

В.А. Подорога выводит понятие телесности, как функционально необходимое для фиксации смысла, появившегося в следствии субъективного действия, к примеру, касания: «Плоть - это не тело, плоть - это "клеевая прослойка" (Сартр) между двумя телами, образующаяся в результате обмена касаниями, как если бы она могла инкарнировать одну плоть в другую. Плоть проступает на поверхности тела, или, если быть определённым, плотью можно назвать состояние тела, когда она проступает на собственной поверхности».⁵⁷ С этой точки зрения, в разделении понятий тела и телесности ключевая роль отводится фактору социокультурной среды, ее влиянию на тело через сознание человека.

При любой попытке деконструировать тело или вычленив некоторые его культурные или социальные составляющие необходимо помнить, что мы имеем дело всегда с одним и тем же человеческим телом, не существующим

---

⁵⁶ Там же.С. 147.

⁵⁷ Подорога В. А. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию: Материалы лекционных курсов 1992-1994 гг. М., 1995. С. 43-44.

вне собственной целостности. Рассматривая с разных ракурсов тело, мы видим его через призму разнообразных целей, под воздействием социальных и культурных групп и сообществ. Эти взгляды могут значительно различаться, создавая для исследователя искушение говорить о различных телах внутри одного тела, наделяя самостоятельностью «природное тело», «социальное тело» или «культурное тело». Такая терминология необходима для научного анализа, однако, необходимо помнить, что все эти «тела» представляют понимание физического человеческого тела конкретной уровне его конструирования. Однако отметим, что названные уровни тела следует понимать их неразрывность, так как в реальности нередко трудно выделить границы между, например, «природным телом» и «социальным телом». Однако выделение уровней методологически необходимо для понимания сущности процесса конструирования.

На уровне обыденного сознания наиболее понятным и очевидным представляется природный уровень существования тела, физическое тело воспринимается как изначальная объективная данность. Тело здесь – это материальная основа человеческого бытия – живой организм, подчиненный законам биологического существования, функционирования и развития. Оно предстает объективной биологической и физической реальностью, независимой от сознания субъекта. Такое понимание тела отражает классический для философии и естествознания взгляд.

Конструирования «природного тела» отличает стремление к максимально эффективному освоению окружающей среды, а, следовательно, к лучшей выживаемости организма и большей эффективности его жизнедеятельности. Используя фрейдовскую терминологию, здесь присутствуют конструктивные (либидозные), так и деструктивные (танатологические) черты: склонность к саморазрушению, аутоагрессию, весь спектр аддикций. Это несомненно противоречит интересам организма, однако некоторые социальные группы в силу особенностей их идеологий и

традиций межличностного взаимодействия, рассматривают деструктивное конструирование как нормативное и поощряемое поведение.

Таким образом, цели природных и социокультурных направлений трансформаций телесности могут как совпадать, так и быть прямо противоположными друг другу. Эти направления, по которым конструируется «природное тело» существуют самостоятельно, не зависят друг от друга, но мы можем выявить некоторое влияние науки на то, как люди рефлексиируют о собственной и чужой телесности. В первую очередь это хорошо иллюстрируется примерами о состоянии здоровья и исполнениях негативных медицинских прогнозов.

Субъектом конструирования тела могут выступать, во-первых, отдельные учёные, исследователи физического и психического состояния здоровья человека, так же всё научное сообщество в целом, во-вторых сам человек, решающий какие изменения ему необходимы, что для него является идеалом, что представляется достижимым, а что нет. Будучи подлинным субъектом конструирования, личность подвержена некоторым внешним, связанным с историческими и культурными нормами и идеалами. Вся жизнь человека сопряжена с непрерывным освоением собственного тела, пониманием его возможностей, принципов работы, социальных и личных ожиданий.

В современном обществе все чаще заходит разговор о преодолении характеристик, которые раньше считались предзаданными и непреодолимыми. Еще в 80-х годах теория Дж. Батлер о перформативном характере гендерной и половой идентификации, возможности выйти за рамки бинарной оппозиции женское/мужское вызвала логичное сомнение у большинства читавших. Рассуждение о поле вне мужского или женского пола представлялось абсурдными, а утверждение, что «...вера в бинарный биологический пол – следствие перформативности, а не её предпосылка»⁵⁸

---

⁵⁸ Кроули С.Л., Броуд К.Л. Конструирование пола и сексуальностей // Гендерные исследования. 2010. № 20–21. С. 12–50.

казалось противоречащим базовым законам бытия. Но развитие гендерных исследований привело к пониманию того, что биологический пол - это конструкт хромосомного, гонадального и гормонального пола. Авторы и сторонники перформативной теории гендера ведущую роль в процессе отводят влиянию властного дискурса: пол формируется не только физиологическими особенностями тела, а прежде всего постоянным повторением, требующим обладание определенными типом тела. Отсюда следует, что «природное тело», находится в рамках конституирующего воздействия социальных норм и принципов.

Но при разговоре о телесном (организменном) бытии человека, мы должны помнить, что оно подвержено конструированию только частично, так как природа накладывает на процесс трансформации довольно жесткие временные (биологические циклы, неизбежность старения и смерти) и биологические (ДНК код, потенциальная возможность беременности и зачатия, наследственные заболевания и т.д.) ограничения. Но сегодня физические пределы тела не так очевидна, как даже 50-70 лет назад, они частично заменяются его социальными качествами: пространственное ограничение адаптации к физическим условиям **безграничностью неорганических частей, в том числе различных технологических приспособлений,** а биологическое преодолевается осознанными усилиями, способствующими адаптации в **социальном окружении.**

«Тело» не может быть приравнено к организму, так как, в отличие от последнего, оно может включать компоненты, которые не были изначально даны при рождении (например, аппараты для искусственного сокращения сердца, имплантаты, металлические конструкции) или же напротив, не включать объективно существующих частей организма, сюда могут входить как последствия операции, так и неосознание каких-либо частей организма. Тело изначально социально, тело не может существовать вне определенного социального и культурного контекста, этим оно отличается от организма.

Именно с социальностью стала той категорией с которой связана категория телесности – социального конструкта тела, отражающего культурный, психологический и смысловой компоненты уникального человеческого существа. Телесность – неотъемлемый атрибут человеческой реальности, в котором отражается процесс взаимодействия природного, социального и культурного, индивидуальный опыт человека и обобщенный опыт поколения. Отталкиваясь от постулата о диалектическом единстве тела и духа, мы можем предположить, что телесность является интегральной характеристикой экзистенциального опыта отдельного человека; в процессе социализации овладевшего определенным набором норм, правил и практик, регламентирующих язык тела. Телесность – это динамическая характеристика человека, рождающаяся в результате конструирования тела.

Конструирование телесности происходит как на индивидуальном, так и на социальном уровне, которые находятся в постоянной взаимосвязи, как мы об этом упоминали ранее. Термин «социальное тело» имеет в философии несколько трактовок: индивидуальное социальное тело (эксклюзивное, единичное) и коллективное социальное тело (инклюзивное, совместное). Российские исследователи (Подорога В.А., Быховская И.М.) понимают категорию «социальное тело» как – соединение природного и социального в человеке, для западной философии (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, М. Фуко и др.) характерно понимание «социального тела» как единого тела всех индивидуальных тел – общественного организма, совокупности социальных связей индивида.

С нашей точки зрения, индивидуальная позиция в большей мере отвечает задачам философского анализа понятия «тело». Человек может выступать истинным социальным субъектом конструирования собственной телесности, проявляя осознанную активность или пассивность, нередко прямо противоречащую и законам природы. Социализация человека закрепляет социально выработанные формы опознавания и представления своей телесности, поэтому в ходе социального и культурного

взаимодействий тело приобретает значимость не только для личности, но и для других, реализующуюся через различные телесные функции.

Место тела в культуре достаточно противоречиво, с одной стороны его проявления являются фундаментальной частью индивидуального и общественного бытия, с другой телесные потребности и отправления вызывают неоднозначную оценку в дискурсах различных сообществ. Наибольшей социально-культурной регламентации подвергаются «те функции тела, которые позволяют ему выйти за свои собственные рамки, обеспечивая связи с другими, распространяясь в окружающий мир и тем самым приобретая коммуникативный смысл».⁵⁹ Витальные функции: сексуальность / репродуктивность, насилие / боль, трапеза / питание, безумие / смерть социально регулируются через отношения власти / подчинения, отлично вписывающиеся в фукианскую модель социума, в которой «в любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства».⁶⁰ Трансформация «тела социального» в «тело послушное» предстает перед нами как инструментальный комплекс, созданный для максимально эффективного и целесообразного выполнения задач, поставленных из вне. Социальный уровень тела понимает его как часть системы взаимоотношений с Другим, такую часть мира, в которой человек взаимодействует с другим существом и к миром в целом. И здесь тело становится «границей», разделяющей внутренний мир «Я» и внешний мир – «не-Я». Телесность - поле взаимодействия внутреннего и внешнего жизненных пространств, объясняется, согласно М.М. Бахтину, тем что человеческое тело имеет две системные составляющие – внутреннее и внешнее тело. «Внутреннее тело – моё тело как момент моего самосознания – представляет собой совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединённых вокруг внутреннего мира».⁶¹

---

⁵⁹ Щепанская Т.Б. Антропология молодёжного активизма // Молодёжные движения и субкультуры Санкт-Петербурга. СПб. : Норма, 1999. С. 282.

⁶⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. С 199.

⁶¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 48 с

Внешнее тело преобразовано для Другого, это моё собственное тело в его видимых и значимых компонентах («моё-для-других-бытие»: внешность, пластические формы и проявления и т.п.). Бахтин видел отличие внутреннего тела («тяжёлой плоти»), данного человеку, от внешнего тела не в непосредственном переживании отличие, а конструировании. Другой играет в этом процессе значимую роль: интериоризируя опыт Другого в процессе взаимодействия, личность включается в его структуру, трансформирует Другого в Ты и расширяется тем самым сферу господства Я. Тело здесь становится центральным элементом коммуникации, если Другой ориентирован на деструктивные процедуры, то это грозит «Я» ограничением автономности: субъект отчуждается от собственного тела, переходя в категорию объектов, переживает сложное состояние нарушения собственной идентичности. Социальное «тело-граница» видится нам необходимым условием интериоризации внешнего социального содержания и ключевым элементом социального конструирования телесности.

В самом общем варианте философского дискурса постмодерна внутреннее и внешнее совпадают, самопрезентируясь через внешние диспозиции и пространственные порядки. Но социальная реальность интерпретируется как «объективированная субъективность», в то время как метафорой тела становится мембрана / тонкая плёнка, односторонняя и плоская, главной задачей которой становится демонстрация скрытых субъективных состояний в виде «складок» или «эффектов». Такое тело – «интенсивная, неоформленная и нестратифицированная материя, интенсивная матрица, нулевая интенсивность».⁶² Это тело уже не нуждается в органах, оно топографично и как таковое является компонентом «плана имманенции».

Отправной точкой для исследования проблемы социального конструирования тела мы видим теорию социального конструирования

---

⁶²Подорога В.А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. С.71

реальности П.Бергера и Т.Лукмана.⁶³ Авторы исходят из того, что, отношения человека с телом имеют двоякую природу, с одной стороны, тело человека аналогично телу любого животного организма, но в то же время с другой человек не воспринимает тело, как находящееся в своем распоряжении, а не себя, как продолжение своего тела.⁶⁴

Из этого следует, что человек сам создает себя, т.е. конструирует не только собственное тело, и собственные представления о нем. Оба этих процесса имеют социальную природу. Конструирование тела необходимо рассматривать не в качестве единичного акта поведения, а качестве деятельности. Необходимо принимать во внимание то, что с точки зрения теории социального конструирования телесности любая человеческая деятельность, а мы понимаем конструирование тела, как деятельность, подвергается хабиитуализации и институционализации.

П.Бергер и Т.Лукман определяют хабиитуализацию как действие, которое может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и с тем же практическим усилием.⁶⁵ Следовательно, говоря о нашей теме, мы понимаем, что в случае удачной попытки конструирования тела, человек будет стремиться повторить ее и усовершенствовать. Хабиитуализированными оказываются, физические действия, пищевые привычки, употребление лекарств. При конструировании тела хабиитуализации подвергаются множественные действия, которые прямо или косвенно относятся к указанному процессу. Акцент при этом делается на стереотипизации действий и получении удовлетворения от результата.

В теории П.Бурдьё о хабиитуализации, «хабитус (habitus) – это системы прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, то есть в качестве принципов, которые

---

⁶³ Бергер П., Лукман П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. С.71

⁶⁴ Бергер П., Лукман П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. С.72

⁶⁵ Там же. С.95

порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства».⁶⁶ Хабитус основывается на специфике социального положения, потому что, будучи продуктом определенного вида объективной регулярности, *habitus* имеет склонность создавать «резонные», «общепринятые» правила поведения возможные в пределах определенной регулярности и могут быть с наибольшей вероятностью быть положительно санкционированы, так как они объективно адаптированы к логике, определенному полю деятельности, будущее которого они предвосхищают.

Важным аспектом конструирования телесности является институционализация процесса. П.Бергер и Т.Лукман полагали, что «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода».⁶⁷ Институты в силу их существования постоянно контролируют человеческое поведение, задают его образцы, придающие поведению один из теоретически возможных направлений. Институционализация социального конструирования телесности связана с созданием нематериального, но от этого не менее влиятельного института «тела», имеющего гендерную дифференциацию.

Рассмотрение институционализации возможно с трех сторон:

- как процесс типизации разного рода действий по созданию тела,
- как процесс контроля за выполнением тех или иных действий по совершенствованию тела;
- как процесс формирования санкций за неисполнением действий.⁶⁸

---

⁶⁶ Бурдьё П. Структуры, *habitus*, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995. – С. 16-39.

⁶⁷ Бергер П., Лукман П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. С.102

⁶⁸ Там же. С 113.

Для конструирования «социального тела» необходимы различные социальные институты, в которых многочисленные телесные практики ранжируются, типизируются и хабиитуализируются, устанавливается определенная иерархия образцов деятельности по созданию тела, расцениваемого обществом и человеком как «идеальное». Но одновременно с этим общество контролирует правильность выполнения определенных действий по конструированию тела, выработке санкций за их нарушение. Социальным императивом становится обладание совершенным, а, следовательно, красивым и здоровым телом.

Отклонение от этого социального императива попадает под социальные санкции, карается социальным неприятием, неодобрением референтных групп, а, следовательно, снижением самооценки и не успешностью межличностных контактов. В итоге регламентированный обществом институциональный порядок создает когнитивные и нормативные интерпретации тела, призванные конструировать и подкреплять доминирующий в настоящее время институциональный порядок. Итак, социальное конструирование на уровне групп и социальных институтов базируется на социальном циркулировании когнитивных программ телесности, которые понимаются личностью как руководство к действию. Эти программы могут дифференцироваться по половому и гендерному признакам. Так как гендер существует в рамках гендерных дисплеев, то связь «гендер – пол – тело» характеризуется не односторонней связью, а семиотическим взаимообменом.

Понятие «тело» внезапно оказывается шире, чем понятия пол и гендер: «...в результате социальных интерпретаций происходит категоризация тела по отношению к полу - имеет своё телесное бытие не как природное или– в условиях бинарной классификации приписывание телу мужского или

женского пола. А уже категоризации по полу соответствует социально конструируемое гендерное различие».⁶⁹

Так по мнению Ю.Н. Давыдова, культура как «форма объективирующего опосредования человеком фундаментальных определений его собственного бытия» зарождается «на границе» природного и социального, когда человек обретает возможность разрешать конфликт собственной «экзистенции» (природного существования) и эссенции (социальной сущности) «как внутренний конфликт человека на телесном уровне: поскольку человеческий организм развивается в поле «конфронтации» двух ритмов – «чисто» природного и социального («естественно-исторического»)).⁷⁰ Тело на уровне культуры - это результат целенаправленного творения и использования телесного начала человека в соответствии с идеалами, ценностями и нормами доминирующей модели культуры или же отдельных субкультур. Право на свободное конструирование телесности в соответствии со своими представлениями об идеалах, потребностях и возможностях.

Индивидуальное конструирование представляет здесь баланс между личными потребностями и способом инкультурации – приобщения индивида нормам и паттернам поведения, одобренными обществом, на этом уровне тело предельно семиотизировано. Оно воспринимается как «тело-текст», самопрезентация в единстве означаемого и означающего, как чувственное присутствие человека в пространстве культуры, отображающее не столько «реальность» человеческого мира, но и его потенциальность, опосредованное тем, что «человек категоризация культурное решение задачи, но как задачу, которую ему самому в ходе жизни предстоит решать»⁷¹

---

⁶⁹ Гольман Е.А. О реальных и воображаемых женских телах: проблема соотношения тела и гендера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI, № 3 (68). С. 200.

⁷⁰ Давыдов Ю.Н. Культура – природа – традиция // Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978. С. 47.

⁷¹ Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 149.

На культурном уровне конструирование тела реализуется через практики целенаправленного изменения и маркировки тела. Эти стратегии создают условия для позиционирования личностью себя в структуре социального пространства. В современном урбанизированном мультикультурном обществе соответствие идеалу телесности становится одновременно и важным элементом идентичности, и фактором групповой консолидации, зачастую заменяющим идеологию. Субкультурные сообщества выступают субъектами конструирования, создавая собственную семиотическую систему, отличающуюся нередко культуры в целом.

Таким образом, конструирование телесности представляется процессом, имеющим несколько особенностей. В качестве субъекта конструирования могут выступать: личность, социальная группа, и общество в целом. Процесс конструирования может носить как индивидуальный, так и коллективный характер.

1.3. Стратегия конструирования телесности

Понятие стратегии широко используется многими областями знаний. Придя из греческого языка, где слово «стратегия» (στρατηγία) означало искусство полководца, а также общий, не детализированный план военных действий на протяжении длительного периода времени. Сегодня стратегия – это не столько военное искусство, но и часть процесса исследования, один из видов менеджмента и политики. Стратегическое планирование применимо к телесности в той же мере, что и к большинству социальных явлений, появляющихся в результате социального и культурного конструирования.

Методологическое основания социального конструирования телесности мы рассмотрели. Современное понимание тела как плоскости, на которой размещается информация о его владельце, создает условия для понимания процесса конструирования, как осознанного и планируемого.

В современной культуре тело перестало рассматриваться только как явление физического или же эстетического порядка, ему постепенно заменяет понятие «телесность». Изменение пространственно-временных, культурных и социальных характеристик, придает телу совершенно новый смысл. В телесном наиболее ярко отражаются противоречия социальной жизни: сексуальность, биоэтика, изменение форм насилия, дискриминации и самовыражения. Тело становится константой, вокруг которой человек выстраивает собственную идентичность в социальной и культурной ситуации постоянной смены ритмов социальных и культурных процессов

Британская исследовательница телесности Сьюзен Орбах характеризует отношение современного человека к собственному телу термином «дестабилизация». Она описывает его как проявление постоянной озабоченности и тревоги о своем физическом бытии. С. Орбах видит глобальную проблему в нарушении осознанной глубинной связи между человеком и его телом, в отсутствии понимания чувственности как механизма социального взаимодействия.

Понимания собственного тела и возможностей его презентации, приводит к формированию моделей тела – «установок, схем интерпретации опыта и других элементов смысловой жизни, конструирующих укорененные в культуре способы воспроизведения телесности».⁷²

Тело на социальном и на индивидуальном уровне рассматривается по-разному. Тело мыслится, а не переживается. Человек постоянно стремится к конструированию собственного тела, которое бы соответствовало нормам, приписываемыми обществом, используя такие модели обращения как «хорошее самочувствие», «систематическая забота о гигиене». На тело переносятся характеристики заботы, свойственные уходу за объектом, имеющим коммерческую или статусную значимость (гоночному автомобилю, призовой лошади, статусной вещи). Главное - отвечает ли оно неким

---

⁷² Куркин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культуросоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. Т. 10. №1-2. 2011 с.59

изначально определенным стандартам, влияет ли на социальный статус владельца. Такая забота становится или важной повседневной практикой, или же низводится до рутины.

Качество тела и стратегия его построения в современной культуре заменили многие знаковые системы идентификации в обществе приводит к тому, что человек вынужден выбирать новые формы для самопрезентации. В последнюю четверть XX века постепенно размылись представления о таком маркере статуса как: одежда, по внешнему виду в современной культуре сложно определить статус ее владельца, его уровень дохода и род деятельности, эксперименты с костюмом так же не вызывают таких ярких реакций, как это было ранее. Доступность постоянной смены гардероба, развитие системы магазинов масс-маркета привели к тому, что тело больше говорит о владельце, чем одежда. Современное отношение к телу строится по принципу проекта, когда улучшение или же создание определенных физических характеристик становится одной из основных личностных задач. Проект по конструированию собственной телесности включает целеполагание, выбор методов, тайм-менеджмент и определенную финансовую поддержку.

Говоря о телесности, как о проекте, необходимо указать на то, что, его длительность его равна длительности жизни создателя, поэтому на различных жизненных этапах цели, задачи и методы его реализации меняются в соответствии с жизненными целями, финансовыми и временными возможностями, представлениями о собственной субъективности. Е.Б. Станковская, характеризуя субъективное отношение к собственному телу, отмечает: «...недовольство собственным телом - это нормальная характеристика современного отношения к себе... Его масштаб может быть разным: от легкого недовольства до выраженных страданий...».⁷³

---

⁷³ Станковская Е.Б. Специфика современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Вопросы гуманитарных наук, N 5, 2010. С.113

Это обусловлено не с возрастными или гендерными нормами телесности, а, следовательно, и с восприятия собственного тела, но и с образом Я.

При таком положении дел работа над созданием собственного тела, отвечающего не только культурными и социальным нормам, но и собственным представлениям о телесном комфорте, не просто становится задачей, но и обретает черты стратегии.

Под стратегией конструирования телесности мы будем понимать – долгосрочная модель адаптивного поведения, включающая сознательно составленный набор операций, имеющей своей целью изменение физических характеристик тела с целью достижения целостного Я-образа.

Стратегия конструирования телесности можно представить, так вид жизненной стратегии человека. По мнению К. А. Абульхановой-Славской⁷⁴ жизненная стратегия имеет три признака:

1. Выбор основного для человека направления, способа жизни, определения ее целей, этапов их реализации и соподчиненности этих этапов;
2. Решение противоречий между тем, что хочет человек и тем, что предлагает ему жизнь, достижение человеком своих жизненных целей и планов;
3. Творчество в созидании ценностей собственной жизни, соединение своих потребностей со своей жизнью в виде особых ценностей.

Ценность жизни состоит в интересе, увлеченности, удовлетворенности в новом поиске, субъективно, она продукт определенного способа жизни, индивидуальной стратегии, когда она определяется самим человеком.

В основе формирования и выбора стратегии лежит такой феномен человеческий феномен, как локус-контроль. Локус-контроль - понятие из классической психологии, где под ним понимается характеризующее свойство личности приписывать свои успехи или неудачи только

---

⁷⁴ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991, 229 с.

внутренним, либо только внешним факторам,⁷⁵ оно было введено в 1954 году Джулианом Роттером. Связь между локусом контроля и отношением к телу выявлена Т.С. Леви,⁷⁶ показавшей взаимосвязь между локусом контроля, социальным статусом и «телесной работой» - т.е. деятельностью, направленной на совершенствование тела. В психологии выделяют два вида локуса контроля: внутренний (интернальный) и внешний (экстернальный). Однако, внешняя и личная оценка деятельности по конструированию телесности важна в любой стратегии. На наш взгляд, к стратегии конструирования телесности применима классическая для стратегического менеджмента схема стратегии, представленная И. Ансоффом: постановка цели; разработка методов, этапов и контроля; оценка результатов, анализ новых направлений и внесение корректив.⁷⁷

Стратегия выстраивается на основании четырех факторов:

1. Образ Я (восприятие собственного тела и сравнение его с желаемым идеалом – движущая сила процесса конструирования);
2. Соотнесение желаемого Я-образа с культурными нормами и наиболее популярными моделями конструирования телесности;
3. Степень институционализации (один и тот же идеальный образ Я может быть достигнут как путем максимальной вовлеченности в социальные институты такие фитнес-залы, гимнастические традиции, медицинские учреждения, так и без неё);
4. Хабиитуализация – создание системы повседневных привычек или рутин, через которые происходит реализация стратегии.

Выбор стратегии – это глубоко личный процесс, как и построение жизненной стратегии. Стратегии социального конструирования телесности можно разделить на две группы на основании локуса-контроля:

— Интернальные;

---

⁷⁵ Волевые действия // Петровский, А. В.; Ярошевский, М. Г. Психология. Учебник для вузов по пед. специальностям. — М.: Академия, 1998. — 500 с

⁷⁶ Леви, Т. С. Пространственно-телесная модель развития личности [Текст] / Т. С. Леви // Психологический журнал. Т 28. - 2008. - № 1. - С. 23-33.

⁷⁷ Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. — СПб: Питер Ком, 1999. 416 с.

—Экстернальные:

- социально ориентированные;
- девиантные.

Выбор стратегии, на следующем этапе предполагает выбор модели реализации этой стратегии, а после этого формирование собственного проекта тела. Такой сложный путь и условия выбора во многом обусловлены телоцентричностью современного общества. Сегодня мы можем говорить о двух, взаимопроникающих тенденциях проекта индивидуальной телесности: имеющих общую цель – освобождение от следования тренду. Первая тенденция – это набирающий популярность здоровый образ жизни, сторонники которого позиционируют его как индивидуальную ответственность за собственное тело, рациональный подход к выбору продуктов питания, выраженный в отказе от доступной, высококалорийной и недорогой пищи, отказ от сидячего образа жизни, продление активной фазы жизни. Вторая тенденция выражается в отказе от стандартов медикализации и контроля над питанием и активностью, развитие идеи «естественности», как альтернативы жестким рамкам ЗОЖ, рационализацию причин, увеличивающегося потребления, обоснование изменения в сторону увеличения размеров одежды, веса среднего человека закономерностью эволюционного развития. Эти тенденции сегодня имеют как своих сторонников, так и противников.

Наличие дискуссии по вопросу формирования индивидуальной телесности, говорит о востребованности темы, понимании процесса, многофакторного, на итог и протекание которого влияют как сам индивид, так и социальные институты. Человеческая телесность понимается как реализация длительного проекта «мое тело», при этом, необходимо заметить, что нет разницы между разрушением и строительством для понимания данного процесса - это движение с различными векторами.

Рассмотрим варианты развития реализации проекта в различных моделях. Первая группа моделей характеризуется повышенной заботой о

теле. Она представлена вариантами создания различных систем питания, использованием восточных методик оздоровления, повышенного контроля за состоянием здоровья. Этим модели характеризуются выдвиганием на первый план заботы о потребностях тела в сочетании с гармоничным развитием личности. В основе создания моделей этой группы лежит противление личности и цивилизации, понимаемой как система давления и управления, ключевыми понятиями здесь становятся: очищение, шлаки, отказ от искусственных материалов, рафинированной пищи, жизнь в соответствии с природными ритмами. Телесность в рамках моделей этой группы понимается как гармоничный процесс постоянного совершенствования тела и духа.

Следующая группа – это модели, построенные вокруг идеи осознанной трансформации тела. Существует большое разнообразие методов изменения человеческого тела, здесь в равной степени возможны и востребованы системы питания, фитнес, пластическая хирургия. Каждое такое изменение подчинено определенной цели. Проект по ее достижению включает следующие этапы:

- постановка цели (неудовлетворенность собственным телом),
- создание идеального Я –образа;
- сравнение физических возможностей с идеалом;
- разработка деталей программы трансформации;
- трансформация;
- закрепление результата;
- нарастание неудовлетворенности результатом.

Проект трансформации не имеет конца, создание тела представляет – это творческий процесс, однако, даже в тот момент, когда не происходит никаких действия по его совершенствованию, или же наступает регресс, проект не заканчивается. Важным знаковым явлением современной культуры стали сложные трансформации: резкое увеличение веса, разительное

похудение и обретение формы, увеличение выносливости, силы и т.д. Важное значение для моделей этой группы приобретает факт, доступности для большинства методов трансформации, но одновременно это сопряжено с изменением локуса-контроля с внешнего на внутренний. Для всех моделей этой группы характерно противопоставление себя навязываемой обществом нормы телесности, выражающейся в увеличении размеров одежды и обуви, появлении индустрии моделей «Size +», невнимании к телу, отказе от дополнительной физической активности. Таким образом, изменение собственного тела, сохранение здоровья, планирование физических показателей становится маркером протеста против массовой культуры, гиперпотребления.

Третья группа моделей представлена как еще один из вариантов протеста транслируемой обществом норме телесности, которая понимается как культ стройности, контроля, ограничений. Важнейшей её характеристикой является стремление к удовлетворенности собственным телом, его функциональностью и уделение ему минимума внимания. Телесность в этой группе понимается как субъективная удовлетворенность собственным телом, не требующим больших инвестиций, похожим на тела многих, занятых малоподвижным трудом и не выделяющимся на общем фоне.

Таким образом, все три группы моделей телесности понимают тело как арену борьбы с транслируемыми обществом тенденциями. Проект собственного тела становится тихим, не всегда осознаваемым протестом практикам контроля над частной жизнью, телесностью и индивидуальностью.

Сегодня отличительной чертой отношения человека к собственному телу стала отчужденность я от тела, или по устоявшемуся выражению, отчужденная телесность. Тело зачастую не рассматривается как самостоятельная ценность, делающая человеческое бытие полным и законченным. Потребности тела, его возможности подчинены не просто

социальной задаче, а воспринимаются как социальный инструмент, сложный в подчинении и не очень эффективный.

Специфика оценки человеком своего тела заключается в том, что она ориентируется, на оценку его Другим. Именно в Другом, в зеркале, ищется подтверждение красоты своего физического облика, его соответствия выбранному идеалу. Перед телом ставится задача соответствия духовного и социальному конструкту, создаваемому человеком на протяжении всей своей жизни. Но необходимо уточнить, тело - фундамент внешнего облика, дополняемого не только одеждой, но и информационным пространством, складывающимся вокруг человека. Тело лишено самостоятельной ценности, потому что на протяжении столетий потребность в построении тела носила в большинстве случаев внешний посыл. Соединение тела и Я в структуре субъективности, сложный процесс, связанный с необходимостью принятия собственного Я-образа.

Осознанное отношение к своему телу, напрямую связано с преодолением личностной отчужденности от переживаний тела, созданием собственной истории взаимоотношений с телом, включающей субъективно важные чувственные события. Но европейская культура, зачастую ограничивает исследование человеком собственной чувственности, выстраивая логическую связь «свобода тела – свобода поступка», что невозможно в условиях дисциплинарного общества. Формирование отчуждения – неотъемлемый компонент воспитания ребенка. Первой предпосылкой к этому становится запрет на изучение собственного обнаженного тела. Естественный интерес ребенка к тому как устроено своё физическое тело, лишенный сексуального контекста, но нормы дисциплинарного общества, не только обрывают его, но сразу маркируют действия, перенося на тело понятия «неправильное» и «культурное». В качестве «правильного» или «культурного» тела предлагается одетое и чистое тело, за которое «не стыдно». Внимание ребенка акцентируется внешних проявлениях «правильности», не связанных напрямую с телом: на

красоте и опрятности одежды, волос, аксессуаров, впечатлении, которое нужно произвести на окружающих. Формирование внешнего локуса контроля свойственно для дисциплинарного общества, осознанное стремление получить положительное подкрепление своему действию со стороны Другого, становится важным компонентом личностного становления. Сегодня мы можем наблюдать изменения ситуации: Описанные выше предпосылки формируют социально и культурно удобное тело, ориентированные на потребности социума и Другого, не умеющее слышать себя и формулировать собственные потребности и желания.

2. ТИПОЛОГИЯ СТРАТЕГИЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ

2.1 Интернальные стратегии конструирования телесности

Тело для современного человека становится одним из краеугольных камней понимания окружающей действительности. Прогресс медицины и косметологии, изменение стандартов красоты, статуса инвалидов привели к новому пониманию тела не как физической оболочки, а как самостоятельного агента. Отношения к такому «телесному» повороту не может иметь однозначной положительной или отрицательной оценки. Европейская традиция приоритета духовного, внутреннего, индивидуального начала над телесным постепенно теряет свою актуальность. XX век открыл нового человека – человека, созданного языком и сексуальностью, вышедшего за рамки табуирования, разрешившего себе быть одновременно природным наравне с интеллектуальным. Но осознание права на тело, доказательство его себе и обществу привели к соматизации или телоцентризму. Разные векторы понимания тела, его места жизни человека и культуре дают богатую почву для анализа телесности - конструкта целостности человеческого бытия, создающегося результате опыта осознания своего тела в пространстве и социуме, изначально включающего бинарную оппозицию души и тела, природных, психологических и социокультурных составляющих человеческой личности.

Определить однозначно место тела в современной европейской и российской культуре сложно: маятник понимания раскачивается от телоцентризма до понимания тела как физической оболочки, в которой происходят физиологические процессы жизнеобеспечения. Несомненно, одно впервые со времен античности тело понимается как самостоятельная ценность, оно не греховно и вторично, тело – самостоятельная онтологическая единица. Тело осмысливается как часть европейской культуры, объект специальных практик и символическая структура.

Интернальные стратегии ориентированы на вдумчивую и последовательную заботу о себе. Главной целью такой стратегии является гармонизация отношений с собственным телом и повышение контроля над собственной жизнью. Вопрос о механизмах формирования телесности как социального феномена был введен в научный оборот М. Фуко. Он увидел и обосновал тесную взаимосвязь между социальными и телесными практиками, формирование вследствие этой связи различных исторических типов телесности и сексуальности. Фуко уходит от трактовки телесного и сексуального, как проявлений природного в человеке, напротив, по его мнению, сексуальность вторична и исторична. Она продукт, создающийся в результате воздействия социальных и дискурсивных практик на общественное сознание. Эти практики, в свою очередь, создаются в процессе формирования системы надзора и контроля над индивидом.

«Естественную» телесность следует рассматривать как своеобразную форму воздействия дисциплинарной власти. Для Фуко дискурсы телесности и сексуальности напрямую связаны с дискурсом истины. Сформированная европейской культурой практика исповеди определяет телесность и сексуальность в терминах ума и тела, и возникновение дискурса «греховных помыслов», ведущего к формированию аппарата самоконтроля и самосознания личности, субъективности и «Я-концепции». Постоянно прививаемые практики самоконтроля вкупе с различными дисциплинарными практиками воспитывали «покорные и производительные» тела и умы, отвечающие задачам общества. Побочным эффектом таких властных отношений становится «дискурс сексуальности», порождающий субъективность в привычном нам понимании.

По мнению М.Фуко влияние власти на дискурс телесности носит одновременно негативный и позитивный характер, он включает «новую реальность» и «новые ритуалы постижения». Тело рассматривается им как пространство, на котором происходит борьба за доминирование между различными властными структурами. Фуко выделяет два исторически

сложившихся телесно ориентированных типа власти: прямое (физическое) воздействие на тело и опосредованное (надзорное) воздействие. Объектом властного контроля становится не только тело физическое, но и «психическое тело» или душа, как внутреннее пространство приоритетов индивидов, являющаяся фундаментом для построения субъективности, сознания и типов поведения. Традиционные типы субъективности характеризуются Фуко как аффектированные, телесные, сформированные под воздействием технологий власти и представлений индивидов о собственном «я». В то время для современных характерно основываться в первую очередь на механизмах самоконтроля и самодисциплины, воли и желания, нежели определяться тотальным воздействием властных структур. Под их воздействием складывается определенный дискурс телесности, результатом которого становится самописание человека и общества, понятие телесной нормы и идеального тела. Телесность всегда связана с проблемой самоидентификации, связанной с осознанием собственного тела.

Процесс субъективации по Фуко завязан на возможности «переживать» различные топосы, роли в безличных процессах желания, власти и т. д. Важной частью субъективации становится «забота о себе» как забота о соблюдении норм морали, установленных социальным порядком норм добровольно, даже там, где контроль общества минимален.

Под заботой о себе следует понимать выражение рефлексивной способности человека не только «быть», но и «знать» о своем бытии, видеть себя со стороны и потому постоянно, непрерывно и бесконечно себя образовывать. В этой способности состоит изначальная особенность способа бытия человека: «в его бытии дело идёт о самом этом бытии».⁷⁸

«Забота о себе» противопоставляет свободный и рефлексивный план существования человека технологии, она стоит на праве выбора человеком собственного пути. Несмотря на то, что дискурс телесности для Фуко – это

---

⁷⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. с.12.

всегда дискурс власти, формирующий нормы, законы, критерии по которым реальное тело приближается к идеальному, отвечающему задачам, поставленным перед ним обществом, «забота о себе» становится важной его частью, дополняющей и расширяющей возможности для конструирования собственного бытия.

«Забота о себе» становится ключевой точкой для описания тела постмодернистами. Ж. Бодрийяр отталкивается в описании тела именно от «фукоистской заботы о себе», тело рассматривается как свободное от религиозных и классических этических предписаний, оно самая совершенная вещь в системе вещей. Для Бодрийяра «тело» - «культурный факт», его понимание тела зависит не от природных оснований, а от культуры, в которой мы существуем. Ключом к пониманию тела в современном обществе становится его трактовка как частной собственности личности. «Культурная» репрезентация тела делает его формой капитала, принадлежащего отдельному индивиду, оно актив, нуждающийся в постоянных инвестициях. Тело предстает как актив, требующий инвестиций. Анализируя современное информационное общество, Бодрийяр отмечает, что тело становится фетишем, окруженным заботой. Тело несет в себе новую семиотическую структуру, являясь при этом фундаментальным инструментом в проекте социализации субъекта.

Ж. Бодрийяр теоретизирует телесность, стремится показать значимость телесности для современного общества, выделяя естественные и культурные потребности тела.

В XXI веке дискурс тела развивается стремительно и включает в себя новые практики, сформированные на базе основных модных, экономических и интеллектуальных трендов. Тело не только дисциплинируется с помощью практик, является фетишем и капиталом, тело становится платформой для протеста, виртуализируется и отчуждается. Наметим основные направления дискурса тела в современной российской культуре: это «забота о себе», трансформация тела, тело-вещь и протестная телесность.

На протяжении длительного периода европейской истории тело не просто противопоставлялось духу, а обуздывалось, наказывалось, укрощалось с помощью поста, телесных практик, социальных норм и костюма. Сложный европейский костюм, построенный на корсете, изменении естественных пропорций, усложняющий контакт между человеком и его телом, способствовал пониманию тела как основы, манекена, недостатки которого можно скрыть с помощью портновских ухищрений и многослойности. Начавшиеся в 10-е годы XX века тектонические изменения общественного мировоззрения и культуры лишили многих этой символической защиты. Костюм не скрывал, а выставлял напоказ естественное, природное человеческое тело, изменить которое искусственно и быстро очень сложно. Встреча с собственным телом и телом Другого была неожиданная. Толстые и худые руки, ноги, спины и животы, непропорциональность, инвалидность, явившаяся следствием войн, старость, все то, что ранее находилось за невидимой стеной, вытеснялось на второй план, теперь становилось повседневностью. Это потребовало нового осмысления места тела в картине мира.

Забота о себе как направление этическое была заново осмыслена М.Фуко, но для него эта забота есть рефлексия и выстраивание системы, противодействующей дисциплинарным практикам выстраивания субъекта извне. Забота о себе в современной культуре становится большим, тело обретает самостоятельную ценность. Оно наделено неким магическим смыслом, связанным с «идеальным», «совершенным», «прекрасным», по Бодрийяру, мы производим, конструируем, трансформируем и увеличиваем наши тела, используя типично семиотические процедуры. Состояние нашего тела говорит о нас столько же, сколько и диплом, состояние банковского счета и место жительства. Тело, являющееся самостоятельным социальным капиталом, нуждается в постоянном поддержании его в форме, удовлетворяющей представлениям общества не столько об эстетической

норме, сколько о социальном статусе и готовности к интенсивной и систематической работе.

Фитнес культура, сложившаяся за последние два десятилетия отшлифовала и трансформировала понятие «Заботы о себе» соответствии с прямым смыслом фразы. Главная задача фитнес-тела - это красота и выносливость для эффективной жизни. На второй план уходит оттачивание тела по античному образцу, спортивные результаты как самостоятельная цель, фитнес культура создается для занятых людей с целью преодоления главных проблем офисного работника – гиподинамии, сердечно-сосудистых заболеваний и стресса. Тело не должно мешать выполнению главной цели – профессиональному и карьерному росту, получению прибыли. В отличие от красивых, но нездоровых с медицинской точки зрения тел спортсменов, тело человека, занятого фитнесом, это здоровое и молодое тело.

Дискурс фитнес-тела существует в новой для заботы о теле риторике - риторике цели и цикла. Фитнес цели - это отдельный класс целей в системе тайм-менеджмента, наравне с финансовыми, карьерными и личностными. В системе планирования фитнес - это проявление заботы о себе, как о существе физическом, фитнес-планирование предполагает цикличность физических нагрузок, рациона питания, отдыха.

Существенным отличием фитнеса от хобби предстает его инструментальная функция, он такая же часть гигиены тела, как душ и чистка зубов. «Забота о себе» в контексте фитнес-культуры противопоставляется культуре общества потребления, которое представляется как система ложных ценностей для людей, лишенных воли. Такое противостояние хорошо представляется на примере статей популярных глянцевого журналов, регулярно печатающих статьи с заголовками «Стройность – это образ жизни», «Фитнес – составляющая успеха», в них пассивности человека культуры потребления противопоставлена активность человека фитнеса. Забота о себе появляется отказе от фаст-фуда и продуктов длительной и тщательной обработки, еды на

вынос, пищи, призванной облегчить напряженную и интенсивную жизнь жителя большого города. Питание – важнейшая часть заботы о себе, фитнес-индустрия порождает все больший отход от привычной, ставшей признаком успешности, роскошью кулинарии, на смену кухне с привычными вкусами приходит «чистая» еда, минимально обработанная, скорее топливо, с подсчитанными нутриентами, чем кулинарное произведение. Подсчет всего, что положено в рот или выпито – неотъемлемая черта современного мира фитнеса. Показателем востребованности такого учета и контроля может быть количество программ, предлагающих подсчет калорий, белков, жиров и углеводов для мобильных устройств. Так для операционной системы AOS автор насчитала их 71, для операционной системы Android 250. Фитнес-культура – это постоянный контроль за своими действиями даже тогда, когда надзор общества за ним минимален или отсутствует.

«Забота о себе» – это осознанное преодоление себя, своего несовершенства, отсутствия воли, время для тела – это время после или до работы, представляемое как сознательный выбор между активностью и пассивным отдыхом. Для этого направления дискурса характерна трансформация дисциплинарных практик, смещение локуса контроля с внешнего, задающего параметры тела в соответствии запросами общества, на внутренний, или «условно внутренний».

Отказ от включения фитнес-целей в свою жизнь, контроля за питанием, наличие «лишнего» жира влечет за собой наказание со стороны общества. Современный идеал красоты жесток и ориентирован на постоянную готовность к обнажению. Тело всегда должно быть в состоянии близком к идеальному, работодатель заинтересован в здоровых и эффективных работниках. Среди крупных компаний не редкость организация фитнес-центров на производственных территориях. Сотрудникам рекомендуется в обеденное время заниматься спортом и принимать душ. Индустрия красоты и косметики преподносит как тождество образ жизни и внешний облик. Современная культура стремится к молодости и активности, на это

направлен много миллиардный бизнес создающий иллюзию возможности жить без запаха пота, сохранять прическу по время занятий фитнесом, в считанные месяцы восстанавливать тело после родов и операций.

Тело становится важной частью самопрезентации и частью потребительской системы, как бы в исходной точке не противопоставлялись фитнес-культура и потребительская культура. Фитнес, как «забота о себе» помимо несомненной положительной составляющей, имеет и обратную сторону медали он становится одним из проявлений общества потребления, где потребление ориентировано на достижение эфемерной и требующей постоянных вложений цели, а тело предстает в роли социального капитала.

Но фитнес, как «забота о себе» - это не единственное направление дискурса «здорового тела». Наряду с «заботой о себе» развивается репрезентация трансформации тела, его эстетизация в русле современного канона красоты – тело представляется как вещь недостаточно хорошая, требующая доработки и совершенствования. Одним из феноменов современной культуры является осознанная отчужденность тела, тело наблюдается, оценивается, его бытие отделяется от бытия личности, дополняя или усложняя её. Самопрезентация и максимализация своего тела стала частью современной системы потребления. Тело максимально шлифуется операционным и безоперационным способом, тело кормится специальными продуктами, призванными продлевать молодость и красоту.

В обществе потребления существует мода на тело, для того, чтобы быть его полноправным членом, необходимо ориентироваться на то, какой посыл несет в себе тело. Тело символично, оно спортивно, атлетично, красиво, оно в достаточной или нет мере соответствует представлениям о «красивом теле». Параметры красоты постоянно меняются: на смену андрогинности приходит четко сформированная талия у женщин и развитый бицепс у мужчин, потом появляется мода на ягодицы, и их стараются сформировать или хирургическими операциями, или специальными программами в тренажерном зале.

Таким образом, стратегии с внутренним локусом контроля мы можем рассматривать, как вариант «Заботы о себе», низменный в условиях современной массовой культуры.

2.2 Экстернальные стратегии конструирования телесности

Трансформация тела - один из трендов современной культуры. Мы наблюдаем рост числа клиник пластической хирургии, телевизионных проектов по изменению внешности с участием хирургов, тренеров, психологов, призванных изменить внешность участников в соответствии с социальным и культурным запросом. Тело меняется в соответствии с культурным запросом. Его больше, чем оно поднадзорно и подконтрольно обществу. Тело должно быть спортивным, активным, модным, одежда призвана только подчеркнуть физическое состояние тела, а не скрыть недостатки или особенности, выбивающиеся из «правильного» образа. Показательно новое явление в психиатрии - фитнес-зависимость, характеризующаяся болезненным влечением к физическим нагрузкам и неудовлетворенностью собственными физическими показателями и внешним видом. Ж. Бодрийера ввел тезис о том, что тело в культуре потребления субъективируется посредством «жертвенной практики». Человек находится на службе у собственного тела, понимая его как отчужденное, отделенное от него, но вместе с тем, знаковое и статусное. В тело, как и в машину, недвижимость систематически вкладываются время, деньги, забота и энергия. Это напоминает сакральную практику, в которой вместо божества собственное тело.

Современное тело не эротично, его много, оно открыто и оценивается как вещь, это объект потребительского, а не сексуального желания. Тело, лишившись своих первичных функций все больше внимания уделяет вторичным: красоте ради красоты, физической форме ради физической формы. Для большой группы современных людей внешнее состояние тела

становится не просто важной частью жизни, а главной целью жизни, которой подчинены все остальные.

Во второй половине XX века в европейской культуре возникает возможность проявления свободы индивидуального тела. В культуре постмодерна тело отдельного человека представляется как уникальным, как единичное множественное бытие, подвергающееся репрессиям со стороны коллективного тела, понимаемого, как нормативное. Введение концепта постмодернистами – единичное множественное бытие – имеет цель деконструкции идеи индивидуального тела, как эстетического и смыслового образа. В постмодернизме тело – это не образ, а поток. М.Фуко, видел в производстве нормативной телесности (массовом формировании здоровых и высокопроизводительных тел) - цель биополитики. Здоровье – главный объект биополитики, способствует усилению медиализации повседневности. Население является объектом биополитики. Но этот объект, сконструирован с помощью статистического метода. Социально ориентированные стратегии конструирования телесности подчинены ей.

Человеческое тело продукт культуры и моды, наравне с костюмом. На протяжении всей истории человечества представления о телесной красоте менялось, но было привязано к цельному образу, создаваемому одеждой, прической и физическими данными. Обнаженное тело не демонстрировалось большинством вне спальни или купания. Нагая красота - это прерогатива очень ограниченного, даже маргинального круга куртизанок и натурщиц. Для большинства дискурс красоты не включает проблемного поля обнажения.

Ситуация стала менять в XX веке, когда со все большей популярностью спорта и изменением спортивного костюма, тело стало представать перед публикой без сложного и многослойного костюма. Идеалом мужской телесности становится атлет, женский идеал – это мифический коктейль андрогинного подростка и поджарой амазонки. Сюзан Бордо предложила оригинальную версию популярности такого сложно достижимого идеала. Она выделяет три фактора. Во-первых, это смена вековых стереотипов

положения женщины в обществе повлекла за собой отрицание канонов женственности. Борьба за право на профессиональную карьеру наравне с мужчинами повлекла за собой изменение гардероба, на смену драпировками и вышивке пришли пиджаки и брюки, требующие совсем иных пропорций. «Новое» андрогинное тело демонстрировало, что деторождение перестало быть главным предназначением женщины. Во-вторых, популярность худого тела связана с образом аристократа-интеллектуала, противопоставляющего себя тучным представителям буржуазии. В XX веке успех все чаще ассоциируется не только с материальным, но, в первую очередь, с интеллектуальным превосходством. Такая идея легко вошла в феминистический дискурс. Третий фактор сформировался значительно позже, в 70-е годы. Общество потребления, демонстрирующее соблазны, создающее условия для гиперпотребления, вызывает протест, выражающийся в том, чтобы демонстрировать разумный контроль над желаниями. Символом победы над давлением со стороны индустрии потребления становится спортивное и дисциплинированное тело минимальным процентом жира.⁷⁹

Современный культ здорового тела – это система идеалов, институтов и практик ограничения себя, основывающихся на научном и псевдонаучном подходе, имеющих целью длительное сохранения телесной привлекательности. На первый план выходит не очевидный внешний контроль, а самопринуждение, где контролирующая сила представляется как собственное желание, стремление соответствовать властному требованию. Понимание удовольствия напрямую связано с рамками, заданными властными конфигурациями, в которых создаются модели «разрешенного» удовольствия.

Телесность - это результат действия механизмов нормирования и индивидуализации, так как «естественная», здоровая телесность формируется

---

⁷⁹ Bordo, S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press 1993, p.404.

в результате воздействия дисциплинарных практик. Но в отличие от традиционного понимания дисциплинарных практик, как техник подчинения, имеющих особое значение в закрытых институтах, таких как лечебница, интернат, армия, практики конструирования телесности основаны на ином понимании власти. Это больше, чем «техники себя», понимавшиеся Фуко как «процедуры, которые, несомненно, в каждой цивилизации предлагаются или предписываются индивидам, чтобы фиксировать их идентичность, ее сохранять или изменять соответственно определенному числу целей...».⁸⁰

Создание и поддержание «правильного тела» требует значительных усилий и порождает новые дисциплинарные практики. Сегодня в рамках философии, социологии, анализа культуры проводятся исследования стратегий воздействия общества, власти и культуры на тело с целью формирования социально одобряемого «образа тела». Женский образ тела – это прокрустово ложе красоты, успешности и традиций. Дискуссия о «идеальном» теле – это полилог врачей, социологов, психологов, представительниц гендерных исследований, психотерапевтов и психологов.

Н. Вульф называет современную нам систему построения идеального тела мифом о красоте, который становится частью предписанного поведения, требующего постоянного подтверждения со стороны женщины. По ее мнению, начиная с 1980-х годов «красота», деньги и успешность стали синонимичными понятиями. «Из символической валюты красота превратилась в деньги *буквально*... Женщинам удастся стать экономически независимыми и избавиться от того, чтобы их продавали на ярмарке невест, но ценой этому стало формирование очень похожей системы... чем выше женщина поднималась по карьерной лестнице, тем сильнее воздействовал на нее миф о красоте, постоянно вставая у нее на пути».⁸¹

Красота – это проект и стратегия, включающие план питания и тренировок, психологические тренинги, косметические процедуры,

---

⁸⁰ Гро, Ф. О курсе 1982 года // Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеже Франсе 1981—1982 учебном году. — СПб.: Наука, 2007, — С 557

⁸¹ Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С.38.

преодоление пищевой зависимости. Целью всех всего этого комплекса является получение желанного тела, тела, предназначенного для любования, априори сексуального, тела приближенного к идеалу мифа о красоте. Именно в проблеме «правильного женского тела» сталкиваются два классических женских страха, характерные для патриархатной гендерной культуры: страх не быть красивой, а, следовательно, остаться одной, и страх быть отвергнутой мужчиной. Для женской картины мира ориентация на внешнюю оценку и тела, и действий.

Экстернальные стратегии конструирования делятся на две группы: социально-ориентированные стратегии и девиантные стратегии. Они наследуют идею внешнего контроля за телесность из традиций дисциплинарного общества. Тело представляется как изначально слабое, безвольное, противодействующее личности. Это тело нуждается во внешнем контроле. Модели, используемые для конструирования в рамках данной стратегии напрямую связаны с пониманием телесности как коммерческого продукта: проекты жесткого контроля (так называемые армейские практики в фитнесе), повышение значимости коллективных и институционализированных практик контроля, создание идеологии безвольного и непокорного тела, нуждающегося в системе поощрение-наказание, формирование идеалов, далеких от возможностей людей, не занятых профессиональным спортом. Социально ориентированные стратегии видят своей целью формирование симулякра естественности, манкой и «природной».

Достижение этой «идеальности» и «естественности» возможно только путем длительного и дорого процесса конструирования, включающего контроль за питанием, фитнес, медицинские вмешательства, но при этом, постоянную неудовлетворенность собственным телом. Воспринимая тело, как неотъемлемую часть личностной идентичности, сторонники бодимодификации стремятся продемонстрировать себе и окружающим символический контроль телом. С этой целью они экспериментируют с ним,

украшают его травмируя и лишая возможности возвращения в прежнее состояние. Для сторонников социально-ориентированных стратегий повседневные уходовые (прием лекарственных средств, соблюдение режима питания, и физические тренировки, макияж) и гигиенические рутины становятся не просто частью жизни, но ее главной составляющей.

Важной практикой социально ориентированных стратегий стали диета и спорт, понимаемые не как проявление заботы о себе, а как инструмент контроля над собственной жизнью. Спорт из аристократического хобби или варианта социальной активности, в культуре постмодерна стал индивидуальной конструктивной практикой, подчиненной цели повышения биомеханической эффективности человеческого тела. Для этого используется методологический принцип детализации:

- телесность предварительно разбирается на мельчайшие элементы;
- выбираются те, которые необходимы для приближения к выбранному Я-образу;
- ставится задача для каждого из элементов;
- создается программа реализации проекта.

Тело спортсмена – наиболее привлекательный образ телесного облика человека. Сегодня она представляется не результатом физических усилий, но результатом реализации дорогостоящего коммерческого продукта. Такое тело понимается как «естественное» и «натуральное», от него просто отсекали все лишнее и ненужное.

Одновременно с дискурсом обязательного идеального и естественного здоровья формируется дискурс дискриминации по физическим параметрам: полноте, недостаточной спортивности, возрасту, отсутствию эстетических вмешательств. Эстетика модерна стала матрицей, в которой сформировались представления о нормативном телесном образе, фактически недостижимом идеале. Но телесность постмодерна лишена сути, текуча и пластична. Она – открытый проект, всегда готовый к трансформации и совершенствованию, но

никогда не реализуемый окончательно. Телесность отчасти стала средством коммуникации, приобрела гибкость, с помощью которой можно быстро реагировать на изменения современного общества.

У П. Бурдьё есть классическая мысль о том, что отношения власти и социальные отношения воплощаются в самом теле человека, в его телесных диспозициях. Вариантом данного процесса становится повышенный интерес к внешности в процессе установления личностной идентичности.⁸² Несмотря на изменение отношения к визуальной презентации, расширение представлений о норме, включении в нее инвалидности, женщины по-прежнему чаще оцениваются по их физической привлекательности, чем мужчины. Тревожность в отношении внешности стимулируется постоянно, телесный идеал представлен настолько широко, что больших усилий стоит не обращать на него внимание. Реклама самых различных вещей от белья до фасадной краски изобилует красивыми, обнаженными, не только женскими, но и мужскими телами. Следствием такого сравнения становится идея жёсткого самоконтроля и более точное следование ряду практик. При этом на первых этапах человек сам стремится осуществить контроль над их исполнением.

Но идея контроля сложнее, в ней субъект получает только иллюзию власти над собственными телом и действиями. Метафора паноптикума, введенная М. Фуко, позволяет ярко и детально представить механизм социального контроля: подобный системе паноптикума: контроль над собственным поведением одушевляется не в силу стремления быть лучше для себя, а потому что страх быть увиденным за совершением осуждаемого поступка сильнее иных регуляторов поведения. В процессе контроля над собственным телом, женщины постоянно сравнивают себя, идеал, окружающих людей. В этом постоянном сравнении, они воспринимают подобный внешний контроль своего поведения и внешнего вида, как норму.

---

⁸² Бурдьё, П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. 288с.

По законам паноптикума они постоянно озабочены внешним видом, своим телом не знают смотрят ли на них в конкретный момент, но твердо уверены, что находятся под постоянным наблюдением.⁸³ Бесконечное конструирование «правильного тела», его варьирование и сравнение становятся механизмами контроля над повседневным поведением женщины.

Женское тело оценивается по тем же критериям, что и мужское, это процент жира, наличие кубиков пресса, «сухость» мышечной массы. Это тело дисциплинированное в соответствии с жесткими критериями и практиками, потому что поддержание его в такой форме требует очень больших усилий.

Дисциплинированное тело - результат индивидуальной работы. Но индивидуалист по своему воспитанию не готов вести жизнь старого, строгого аскета, отвернувшись от благ цивилизации. Его цель - получение этих благ, достижение привилегированного статуса, освободив тело от обязательств перед социумом, он стремится получить блага «привилегированной» телесности «особые услуги»: качественный уход, качественные продукты, качественную спортивную нагрузку. Производство этого нового типа телесности требует новых специалистов и новых практик. С одной стороны, мы можем рассматривать этот процесс как порождение элитарной потребительской культуры, с другой же он включает не только вложение денег, но и времени, личных усилий и жесткой дисциплины.

Необходимым условием создания и поддержания «правильного тела» становятся системы «правильного чистого питания» и правильные тренировки. Такой стиль питания противопоставлен таким формам организации питания как фаст-фуд, полуфабрикаты, замороженная продукция, посещение мест общественного питания, каждое отклонение позиционируется как проявление слабости воли и неосмысленности поведения. Борьба за красоту – это не просто стремление нравиться, это борьба со всем, что признано несовершенным. Главное несовершенство – это

---

⁸³ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с

жир и лишний вес, в появлении которых обвиняют современное питание. Стандарт красоты жесток и мало достижим, он ориентирован на очень маленькую группу худощавых, с трудом набирающих вес астеничных людей. Так вес среднестатистической модели на 23% меньше веса здоровой среднестатистической женщины ее возраста (для моделей нормальным считается вес ниже 55 кг при росте 175 см), менее 1% женщин соответствуют этим параметрам.⁸⁴ Остальные вынуждены постоянно признавать свое несовершенство и бороться за право считаться привлекательными.

По мнению С. Орбах современное общество – это общество не просто недовольное собственной внешностью – это общество пищевых расстройств. Инструментами конструирования «правильной» телесности становятся ненависть к собственному телу, расстройства пищевого поведения, безумные диеты и косметическая хирургия.⁸⁵ Транслируемая СМИ и индустрией спорта идея о «натуральном теле» - не более чем рекламный лозунг, призывающий постоянно совершенствовать тело.

Изменились критерии красоты, красиво не просто стройное тело в одежде – красиво демонстративно обнаженное тело, выставленное напоказ и высоко оценённое. Таковым должно быть тело с детства до старости, критерии не меняются, на протяжении всей жизни, или большей ее части необходимо сохранять тело, которое можно обнажить в любую минуту. Это тело подтянутое, стройное, худощавое, должным образом ухоженное и воспитанное. Оно идеально и неизменное, оно настолько совершенно, что недостижимо. Именно недостижимость делает его флагманом современной модной индустрии.

Проблема здоровья и качества жизни, маркирование их как личной ответственности человека, приводят к переносу узкоспециализированных дисциплинарных практик на уровень повседневности. Речь не идет просто о периодических рекреационных занятиях спортом, регулярном питании, в

---

⁸⁴ Бронникова С. Интуитивное питание: как перестать беспокоиться о еде и похудеть. М.: Эксмо, 2015. С.48.

⁸⁵ Orbach, S. Fat is a feminist issue. New York: Berkeley Books, 2006. p. 382

центре внимания систематические занятия некомандными видами спорта, особое внимание уделяется индивидуальному сопровождению тренера, контролю, технике выполнения упражнений. Фитнес понимается как обязательное условие поддержания тела в порядке, сохранения работоспособности привлекательности. Не ставится вопрос о соревновательности, демонстрации достижений, на первом плане красота и молодость, как подтверждения работоспособности и конкурентности. Включаясь в дискурс «правильного тела», человек добровольно принимает дисциплинарные практики, позволяющие конструировать собственное тело, в соответствии с представлениями общества. Фитнес тренировка не только предполагает четкую программу, ориентированную на максимальные возможности тела в конкретный период, постоянно возрастающую нагрузку, но систематичность вне зависимости от интенсивности основной деятельности, понимание спорта как ключевого элемента организации времени.

Разнообразные механизмы контроля над питанием, введение в повседневные практики систематических тренировок, сегодня уже не являются эффективными методами конструирования «правильного тела». Большая часть вовлеченных в борьбу за достижение телесного идеала не раз и не два их испытала на себе. Как и всякая индустрия, индустрия красоты предложила новый вариант «дорожной карты» – ограниченный по времени, жесткий и эффективный проект, включающий внешний контроль со стороны тренера, жесткую мотивацию, систему тренировок и питания. На первый взгляд все выглядит как преодоление длительной проблемы постоянной неудовлетворенности внешним видом. На самом деле, это еще один вариант не просто контроля над повседневностью и телесностью, а выведение тревожности и неуверенности на новый уровень. Наиболее востребованными сегодня сетевыми и медиа-проектами являются разнообразные программы похудения и преображения. Флагманом таких проектов стало американское

реалити-шоу «The Bigget Loser», за ним последовали многочисленные теле- и интернет-проекты.

Основной аудиторией такого рода передач и сообществ в социальных сетях является женщины, как они более озабоченные собственной внешностью, чем мужчины. В основе таких проектов лежит не просто система упражнений и диет, но и определенный дискурс. Лишний вес понимается в них, как следствие слабой воли, лени и причина социальной неуспешности. Выход из этой западни предлагается через новую дисциплинарную практику, включающую аспекты передачи власти и подчинение другому лицу, жесткий контроль за режимом питания и жизни. Одним из обязательных условий является отказ от традиционных удовольствий, связанных с едой, общением, проведением свободного времени вне тренажерного зала. Сами создатели таких программ подчёркивают в названиях и описаниях, что создание нового тела - это путь воина, путь сознательной строгой аскезы. В таких проектах ведущий / тренер выступает в роли классического армейского капрала / прапорщика, который муштрует и мотивирует через унижение и контролирует каждый момент жизни. Участницы /ки должны ежедневно отчитываться с съеденном, о сделанных упражнениях, о нарушениях, получать наказания и минимальные поощрения.

Системы тренировок предполагают не только работу на пределе физических возможностей, но и систему наказаний за отклонения. Наказания носят классический армейский характер: дополнительные круги бега, подходы приседаний и отжиманий. При этом если участница сама себя наказала за отступление и показала видео процесса, то ей следует меньшее наказание, чем, если наказание выдается тренером-капралом. По мнению организаторов проекта, главная мотивация и одобрение в зеркале, других не нужно.

Педалирование ненависти и недоверия к собственному телу выступают главными аспектами такой мотивации, опирающейся на негативный опыт

отношений с телом. Весь опыт «приведения тела в порядок» анализируется как бесконечная цепочка неудач, преодолеть ее можно только путем тяжелой работы и силой воли. Физические упражнения из веселого рекреационного занятия превращаются в испытание пределов собственных физических возможностей. Право заниматься спортом, в том числе и командным – достижение женского движения. «Женское движение изменило образовательные учреждения и профессиональную сферу настолько, что туда начали принимать женщин, но недостаточно для того, чтобы изменить мужскую природу власти».⁸⁶ Это хорошо видно именно в сфере фитнеса.

Путь к желанному успеху лежит через жесткие дисциплинарные практики, построенные по армейскому принципу: тренировки на пределе возможностей, не прерывающиеся даже в случае обмороков, кровотечений или травм, четкое питание, при котором еда становится топливом и набором точно подсчитанных белков, жиров и углеводов. Основной идеей таких проектов, как в СМИ, так и социальных сетях, что в иных условиях, вне жесткой системы женщина может получить красивое тело, потому что распущена по природе и слабовольна.

Формируется новый тип телесности, женской телесности, ориентированный на жесткие армейские практики. Армейский тип М. Фуко описывал следящим образом «Появляется новый объект — естественное тело, носитель сил, действующий во времени; тело, способное к особым операциям, имеющим свой порядок, свою продолжительность, свои внутренние условия и образующие их элементы. Становясь объектом новых механизмов власти, оно становится также и объектом новых форм знания. Это тело — объект муштры и натаскивания, а не спекулятивной физики; оно управляется внешним авторитетом, а не жизненными духами; оно есть объект дрессировки, а не рациональной механики; но при всем том, и именно

---

⁸⁶ Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С.307.

в силу всего этого, его функционирование требует известного числа естественных условий и подчиняется природным ограничениям».⁸⁷

Практики, имеющие официальной целью не просто снижение веса, а построение здорового тела, имеют один очень серьезные нюанс, приоритетом является максимальное универсификация представление о потребностях и возможностях конкретной женщины. Тренировка занимает практически все свободное время, требует не просто полной отдачи сил, а систематической муштры и абсолютного подчинения воле и авторитету тренера. Этот авторитет не просто непререкаем, он постоянно подтверждается через владение уникальным знанием и, что не менее важным, телом максимально близким к идеалу. Как правило, ограниченные по времени проекты – преобразования осуществляются в тренажерном зале. Человек оказывается в недружелюбной среде, окруженная орудиями - тренажерами, работа с которыми требует специальных знаний, ориентируется на авторитете тренера. Работа в зале предполагает не просто упражнения, а муштру, обучение правильному положению тела, формирование привычки к монотонным множественным повторам, требующим концентрации на процессе. Самый сложный момент проекта - это достижение естественных, физиологически обоснованных границ похудения или физических сил. Приближение к идеалу требует преодоление этой границы, изменение системы тренировок, питания, еще большего контроля балансом всех компонентов. Миф о красоте диктует необходимость его достижения. Но это удается немногим, еще меньше могут его поддерживать. Остальные же получают еще один негативный опыт построения собственного тела. Нами был проведен анализ 24 проектов подобного рода, созданных на базе телевидения, социальных сетей и реальных спортивных клубов, результатом довольны только 10% участников, но при этом только в 3 группах мы увидели оценку результатов в формулировке «достигла идеала», «я теперь просто красавица». Остальные участники были недовольны, получили

---

⁸⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 226.

травмы или обострение болезней, но, в первую очередь разочарование касалось очередной неудачи конструирования собственного тела.

Невозможности достижения поставленной цели ведет к снижению самооценки и восприятию своего тела, как непослушного, безвольного, недостойного заботы, а нуждающегося в постоянном контроле и наказании. Сформировавшая в последние десятилетия индустрия красоты постоянно стимулирует именно такой вариант субъективации телесности. Говоря об оппозиции разума и тела, с которой мы начали наш текст, мы видим, что новая практика еще раз подтверждает невозможность даже с помощью рационально выстроенной схемы притянуть тело к идеальной форме, но порождает новый виток недоверия к собственной телесности.

2.3 Девиантные стратегии конструирования телесности

Отдельного внимания заслуживает дискурс протестной телесности. Человеческое тело одновременно понятно и уязвимо, у его внешней презентации нет тайны, но есть уникальное чувство запретности обнажения и четкой привязанности этого процесса к определенным местам. Лишаясь частного пространства, которое в современном потоке информации становится условным и явлением с размытыми границами, человек стремится выстроить новое пространство своего тела. В отличие от социально-ориентированных стратегий конструирования телесности, девиантные стратегии не принимают норм современной телесности. Она не соответствует их Я-образу, у них нет ресурсов для трансформации, которая бы удовлетворяла большинству требований. Но при этом в силу жизненного опыта, личных целей, привычек и психо-физиологических особенностей, их локус-контроля находится во вне. Девиантное поведение всегда ориентировано на внешний локус контроля, но в отличие от социально ориентированного, оно нуждается не в положительном, а в отрицательном подтверждении.

На наш взгляд девиантные стратегии конструирования телесности строятся в двух группах моделей: осознанная девиация и расширение понятия «норма». Такие типы стратегий строятся вокруг понятия протестной телесности. На наш взгляд, протестную телесность можно охарактеризовать, как набор социальных и культурных кодов, информирующих в несогласии с общественными стандартами и представлениями. Телесность выступает как интегральная характеристика экзистенциального опыта человека; комплекс природных, культурных и индивидуальных качеств человеческого тела; поле взаимодействия внутреннего и внешнего жизненных пространств человека; овладевшего в ходе социализации различными языками тела.

Отличительная особенность протестной телесности в том, что она превращает частное, личное пространство телесности в публичное, политическое, создавая феномен человека-протеста. Эту черту можно охарактеризовать фразой К. Ханиш «Личное – это политическое»⁸⁸, наша трактовка, на первый взгляд, уходит в сторону от радикального феминизма, но протестная телесность сама по себе радикальна.

Протестная телесность на индивидуальном уровне сегодня (на наш взгляд в различные исторические эпохи протестная телесность имела различные проявления) может быть представлена в нескольких формах: вызывающей трансформацией внешнего облика, привлечением внимания к недостаткам и уродствам и расширением понятия нормы.

Дискурс телесности – это всегда дискурс власти и контроля, создавая нормы телесности, общество стремится показать рамки в которых человек может трансформировать собственное тело. Выход из этих рамок влечет за собой наказание через применение различных санкций. В исторической перспективе это сбривание бород, укорачивание шлейфов, острижение волос, запрет на очки и т.д.

---

⁸⁸ Ханиш К. Личное – это политическое. [Электронный ресурс] // Womenation. Информационный портал женского освободительного движения. Режим доступа: <http://womenation.org/hanisch-personal-is-politica>. (Дата обращения 30.04. 2018)

В дисциплинарном обществе право на собственное тело, выстроенное по своему вкусу и предпочтениям, редкая роскошь. «Владение своим телом, осознание своего тела могло быть достигнуто лишь вследствие инвестирования в тело власти: гимнастика, упражнения, развитие мускулатуры, нагота, восторги перед прекрасным телом... - все это выстраивается в цепочку, ведущую к желанию обретения собственного тела посредством упорной, настойчивой, кропотливой работы, которую власть осуществляет над телом детей, солдат, над телом, обладающим хорошим здоровьем. Но стоит только власти произвести такое воздействие, как в самой цепочке подобных приобретений неизбежно появляется притязание на свое тело против власти, на здоровье против экономики, на удовольствие против моральных норм сексуальности, брака, целомудрия. И сразу же то, чем была сильна власть, превращается в средство нападения на нее... Власть проникла в тело, но оказалась «подставленной» в самом теле...»⁸⁹

М. Фуко говоря о дискурсе тела, как властном дискурсе, акцентировал внимание на асимметричном характере властных отношений. Власть задает базовые характеристики субъекта деятельности, используя для этого ярлыки, через которые описывает его основные свойства. Но отношения власти в плоскости телесности таковы, что объект власти не может быть подчинен субъекту полностью, потому что объектом власти выступает самостоятельная личность, имеющая собственный опыт, полученный в результате автономного существования. Именно в этом противоречии заложена потенциальная возможность умолчания, саботажа или утаивания информации от властного субъекта, самовольной интерпретации его директив.

Даже в ситуации, когда объект и субъект совпадают, как это бывает в случае построение интернальной стратегии конструирования телесности, объект власти не становится просто исполнителем, он интерпретатор,

---

1. ⁸⁹ Фуко М. Власть и тело // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью - М.: Праксис, 2002. С. 187

трансформирующий властные указания, приспособляющий их к собственной картине мира и социальным условиям. Необходимым условием существования такой схемы становится удовольствие побега из системы властных директив.

Соппротивление власти невозможно без формирования осознанного отношения к собственному телу. Пока тело не воспринимается как холст для перформанса, сопротивление не может носить сколько-нибудь осмысленный характер. Ранее мы говорили, что в европейской культуре сложно приживаются практики построения гармоничного отношения к собственному телу, принятию его во всей полноте и несовершенстве. Но практики отношения с телом, выраженные через термины гигиены и аккуратности сопровождают человек на протяжении всей его жизни, поэтому сопротивление возможно только в рамках уже существующих культурных схем. Если действие не интерпретирует их, не сопротивляется им, то оно не может быть понято как протест. Девиация становится маркируемой, как девиация только тогда, когда ее посыл понят или идентифицирован социумом как отклонение. Вне этого девиация лишена социального или культурного смысла.

Ранее мы говорили о том, что в концепции М.М. Бахтина тело существует в двух вариантах: «внутреннее тело» и «внешнее тело». Задача внешнего тела донести информацию о том насколько телесность личности соответствует социальному запросу на норму телесности. Информация, которую социум считывает с тела, служит определению физических границ личности. Хорошую характеристику опыту границы дает О.А. Шнырева «Опыт границы – это доступный нам в имманентной действительности опыт трансценденции. Все в социальном мире и в разграниченном пространстве поделено составляющими его телами.⁹⁰

---

⁹⁰ Шнырева О.А. Татуировка как социальное письмо // Вестник Удмурдского университета. 2009. Вып. I. с.103-1046.

Формирование собственной демаркационной линии - одно из условий эффективного существования человека в обществе. Хорошо сформированная и понимаемая психологическая граница личности – признак хорошего локуса контроля и психологического здоровья личности. В ситуации, когда человек не может выстроить четкую психологическую границу или же постоянно испытывает трудности в ее поддержании, возникает необходимость в создании искусственного ее контура. Девиантные стратегии призваны сформировать именно такую четкую и вещественную границу.

Девиантные стратегии стремятся подчеркнуть, что это тело не вписывается в общую культурную и социальную картину мира. Отличность от нормы может быть выражена как положительная (красивое тело, лучшее воспроизведение в плоти идеала), так и как отрицательная (некрасивое, больное, немощное, изуродованное тело). Однако необходимо разделить изначально уродливое тело, как результат болезни, обстоятельств, не зависящих от человека, и протестное тело, намеренно сконструированное своим владельцем так, чтобы отличаться от окружающих, раздражать их и бросать вызов принятым нормам.

Девиантную стратегию конструирования телесности можно представить в виде набора социальных и культурных кодов, маркирующих внешнее тело таким образом, чтобы информировать окружающих о несогласии его обладателя с социальными стандартами и нормами. Изменение тела таким образом, чтобы оно воспринималось как протест представляется нам результатом экзистенциального опыта, в котором соединились природные, культурные и индивидуальные оценки деятельности человека с его представлением о собственной телесности.

Девиантная стратегия телесности, на наш взгляд, может быть представлена как разновидность конструкта целостности человеческого бытия, сформированного в результате сознаваемой потребности в дополнительных четких границах тела в следствие частичного / полного неприятия норм и ценностей общества. Стратегии девиантного

конструирования свойственны, в первую очередь, представителям различных субкультур.

Радикальное изменение тела имеет своей целью не только привлечение внимания к личности автора перформанса, но и его поколению. Оно несет в себе тот же культурный посыл, что и в предыдущие эпохи чрезмерное изменение костюма или поведения. Чрезмерное использование татуировок, пирсинга, шрамирования сегодня так же шокируют общество, как и очки у молодых людей в эпоху Николая I.

Непринятие себя в рамках телесности, заданной обществом приводит людей, склонных к девиантным стратегиям к тому, что тело становится тем инструментом, с помощью которого они стремятся выделиться на фоне окружающих. Стремясь к индивидуальности, личность создает уникальное тело-перфоманс, отражающее ее мировоззрение, отношение к нормам и ценностям окружающего мира. Такой проект может быть реализован с помощью пластической хирургии, татуировок, шрамирования, имплантов.

Приход в европейскую культуру этнических практик телесности, и текстов, создал среду, в которой тело – это чистый лист, на котором рассказывается история. Особенность использования таких практик в девиантных стратегиях в том, что они приобретают аутоагрессивный и маргинальный характер.

Девиантная стратегия телесности Протестная формируется методами, которые еще недавно были отличительными чертами маргинальных, закрытых субкультур. В связи с этим протестная телесность формируется как индивидуальный социальный протест. Создание сложно модифицированного, протестного тела – это не менее продуманный и ресурсоемкий процесс, чем создание спортивного тренированного тела. Но при этом его иные. Это своеобразное «столбление» территории, где преодоление, боли, самого себя, общественного мнения становится ступенью к пониманию собственного «Я», разграничения «Я для себя» и «Я для Другого».

Модификация тела с помощью татуировок или пирсинга на протяжении длительного времени носила характер «экзотического чуждачества», «туземства», была уделом моряков, этнографов, людей, имеющих опыт отличный от большинства. Распространение татуировок в европейской культуре связано с развитием молодежных протестных субкультур. Так у панков татуировка интерпретировалась как это один из протестов против общества, пренебрежение мнением тех, кто не разделяет субкультурные ценности.

Для панков пирсинг и татуировка были ярким и логически обоснованным вариантом, протеста против общества. Разрушая себя они стремились к разрушению обывательского представления о телесной и социальной норме.

Девиантные стратегии конструирования телесности отличает аутоагрессивный характер изменения тела, предполагающий разрушение «типичного» и создание особенного «собственного» тела. Здесь боль становится необходимым условием для рождения, платой за принятие решение. Через причиненную себе боль происходит принятие изменений, доказательство собственной правоты, отсечение обратного пути. Татуировка становится не только индикатором отношения к себе, но и формирует определенный образ, воздействуя на окружающих.

Модификация тела приобретает сегодня статус новой эстетики. Именно в социальном значении модификации тела кроется основное противоречие между двумя взаимоисключающими потребностями индивидуализации и сопряженного с ней социального отчуждения и принятия внутригрупповых ценностей. Мотивация нанесения рисунка на тело остается ключевым вопросом анализа модификации тела как феномена протестной телесности. Модификация тела может быть, как маркером психологического неблагополучия, так и способом самовыражения, эстетическим проектом, где за основу взято собственное тело.

Сознательно причиняя себе боль, человек тем самым стремится к созданию второй кожи, отгораживающей его от окружающего мира. Общественная реакция на модифицирование при помощи татуировки осложнено в первую очередь изначальной маргинальностью тату в европейской культуре. Поэтому факт наличия татуировки оценивается зачастую как склонность к суициду, потребностью в высоком риске и переживании особых адреналиновых состояний и наличие преступных наклонностей. Э.Д. Андерсон в своей работе «Татуировки как зримые архетипы: знаковые достопримечательности на карте души» приводит следующую статистику «обследовали 4700 членов интернет-сообщества, посвященного модификации тела, чтобы определить какие-либо корреляции между типом модификации, депрессии и суицидальных мыслей, и поведения. Полученные результаты свидетельствуют о менее выраженной связи между татуировкой и суицидальными тенденциями, по сравнению с пирсингом и шрамированием. Исследователи заявили, что эти данные свидетельствуют о том, что врачи должны рассматривать татуировки и другие модификации тела в качестве потенциальных маркеров депрессии и суицидального поведения».⁹¹

Но она же указывает, что «татуировка и пирсинг обслуживают врождённую потребность человека к самовыражению, и являются в этом ключе более заслуживающими внимание, чем членовредительство».⁹²

Относительно новым видом модификации тела является шрамирование -нанесения рисунка на тело путем рассечения кожных покровов. Данная практика более болезненна, но и более долговечна. Рассматривая протестное модифицирование тела, как одно из проявлений дисморфофобии и аутоагрессивного поведения, необходимо обратить внимание на усложнение таких манипуляций, их комбинирование и своеобразную иерархию от

---

2. ⁹¹ Андерсон Э.Д. Татуировки как зримые архетипы: знаковые достопримечательности на карте души / Э.Д. Андерсон [Электронный ресурс]. URL: <http://castalia.ru/posledovateli-yunga-perevody/2122-emili-dzheynderson-tatuirovki-kak-zrimyie-arhetipyi-znakovyie-dostoprimechatelnosti-na-karte-dushi-glava-ii-obzor-literaturyi.html> (дата обращения 03.05.2018)

⁹² Там же

наименее болезненного прокола пирсинга уха, носа до сложных косметических операций по вживлению подкожных имплантов рогов, создания «инопланетного» образа, выделяющегося в любом обществе.

Формирование дискурса протестной телесности, на наш взгляд, напрямую связано с возможностью испытания физического и социального риска в дозированной и самостоятельно выбранной форме. Выбирая изменение тела, человек сознательно идет на риск боли, последствий неудачной операции, социального неприятия образа. При этом поиск риска не часто не связан с асоциальным поведением, а является способом поиска новых поведенческих стратегий, реакцией на стресс. В основе болезненных модификаций лежат частые, высокоинтенсивные негативные переживания, застревание на них, невозможность их конструктивного разрешения без физического наказания себя или изменения внешнего облика. Для части людей систематически трансформирующих свою внешность каждый новый этап трансформации маркируется как создание нового себя, свободного от прошлых проблем, решение которых омрачало бытие.

Вместе с модой на создание особенного, отличного от других образа, протестная телесность предстает как выражение двух взаимосвязанных оценок действительности: протеста против норм общества и сложности в принятии себя и своего тела в его изначальной целостности. Модификация тела выводит борьбу с властью на новый виток, где изменение своего тела - это игра, попытка найти свою нишу и выразить свое отношение к жизни и обществу, предъявляющему неудобные требования.

Современный дискурс тела интересен и многообразен, тело – это индивидуализированная ценность. Наше тело становится носителем знаков и читается как знак. Различные социальные и культурные группы становятся носителями различных представлений о нормах телесности, её ценности и

самобытности. Дискурс телесности находится в постоянном развитии и становится сложнее с каждым годом.⁹³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование телесности интересный и захватывающий процесс, создающий возможности для совершенно нового и, зачастую, противоречивого взгляда на привычные нам вещи и явления повседневности. Интерес к индивидуальному переживанию тела, возникает в XIX веке, когда в философский и культурный оборот входят теории и гипотезы, порожденные психоанализом и необходимостью построения иной модели взаимодействия ментального и телесного. В XX веке вопрос о соотношении реально существующего тела, его образа и представления о нем в ментальном пространстве Другого рассматривался представителями психоанализа, экзистенциализма, феноменологии. Но понятие телесности закрепляется только в работах французских постструктуралистов. Но его рассмотрение строится на общем для всех направлений философских и культурологических исследований тезисе: понятие «телесность» шире по объему, чем понятие «тело».

Целью данного исследования было выявить основные стратегии конструирования телесности и механизмы их реализации в современных культурных практиках. Исходя из поставленной цели была сформулирована начальная задача, определить место феномена телесности в современной культуре. В результате анализа наиболее значимых и философских, социологических и культурологических концепций нами было выяснено, что проблематика телесности занимает одно из ведущих мест в современном научном дискурсе, что обусловлено «телоцентричностью» культуры постмодерна. Так же были выявлены основные теоретические подходы к анализу проблемы телесности, сформировавшиеся в европейской философии: нормативистский и плюралистический. В основе первого лежит идея союза души и тела, основной проблемой, решаемой в рамках этого подхода, становится поиск системы норм и правил для гармонизации взаимоотношений душа / тело. Второй подход был сформирован в процессе

философского осмысления научно-технических открытий естественных наук. Сторонники этого подхода отталкиваются от идей радикального конструктивизма, боровшегося с нормативной системой модерна.

Вторая задача рассмотрения теоретических оснований социального конструирования телесности решалась нами в рамках нескольких подходов. Нами были проанализированы основные положения теории конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, описывающей социальные практики как совокупность социальных действий акторов и утверждающей, что всякая человеческая деятельность подвергается хабиутализации (опривычиванию). Одним из результатов действия социальной практики в условиях определенной реальности является формирование группового телесного эталона, который выступает элементом идентификации, принадлежности человека к определенному институту, социальной группе, социальному организму. Построение, конструирование общества невозможно без образа тела, инструкций по его развитию и функционированию, без формирования отношения к телесности, как к категории человеческого существования. Необходимым условием для институционализации внешней телесности индивида, его поведения в обществе является усвоение различных социальных ролей. Первой предпосылкой к этому становится запрет на изучение собственного обнаженного тела. Естественный интерес ребенка к тому как устроено своё физическое тело, лишенный сексуального контекста, но нормы дисциплинарного общества, не только обрывают его, но сразу маркируют действия, перенося на тело понятия «неправильное» и «культурное». В качестве «правильного» или «культурного» тела предлагается одетое и чистое тело, за которое «не стыдно». Внимание ребенка акцентируется внешних проявлениях «правильности», не связанных напрямую с телом: на красоте и опрятности одежды, волос, аксессуаров, впечатлении, которое нужно произвести на окружающих. Формирование внешнего локуса

контроля свойственно для дисциплинарного обществ, осознанное стремление получить положительное подкрепление своему действия со стороны Другого, становится важным компонентом личностного становления. Сегодня мы можем наблюдать изменения ситуации: Описанные выше предпосылки формируют социально и культурно удобное тела, ориентированные на потребности социума и Другого, не умеющее слышать себя и формулировать собственные потребности и желания.

Нами было дано авторское определение *конструирование телесности* - долгосрочная модель адаптивного поведения, включающая сознательно составленный набор операций, имеющей своей целью изменение физических характеристик тела с целью достижения целостного Я-образа. Стратегия конструирования телесности – это один из видов жизненных стратегий человека, так как включает ее важнейшие признаки. Были определены факторы построения модели поведения: выбор основного для человека направления, способа жизни, определения ее целей, этапов их реализации и соподчиненности этих этапов; решение противоречий между тем, что хочет человек и тем, что предлагает ему жизнь, достижение человеком своих жизненных целей и планов; творчество в созидании ценностей собственной жизни, соединение своих потребностей со своей жизнью в виде особых ценностей. Так же были определены факторы обуславливающие направленность конструирования телесности: Образ Я, соотнесение желаемого Я-образа с культурными нормами и наиболее популярными моделями конструирования телесности; степень институционализации; хабиитуализация. Нами было предположено, что окончательный выбор модели сопряжен с локусом-контролем планируемых изменений. На протяжении длительного периода европейской истории, контроль за состоянием тела был организован по принципу внешнего или экстернального локуса-контроля (в работах М.Фуко он определён дисциплинарное общество).

Стратегии социального конструирования телесности, по нашему мнению, можно разделить на две группы на основании локуса-контроля: интернальные и экстернальные (социально ориентированные и девиантные).

Выбор стратегии, на следующем этапе предполагает выбор модели реализации этой стратегии, а после этого формирование собственного проекта тела. Варианты развития реализации проекта индивидуальной телесности могут быть представлены различными моделями. **Модели тела – это коллективные представления о теле, несущие на себе отпечаток эмоций сообщества, через них конструируется общение человека со своим телом.**

Первая группа моделей характеризуется повышенной заботой о теле. Этим модели характеризуются выдвиганием на первый план заботы о потребностях тела в сочетании с гармоничным развитием личности. В основе создания моделей этой группы лежит противопоставление личности и **цивилизации как системе давления и управления, ключевыми понятиями** здесь становятся: очищение, шлаки, отказ от искусственных материалов, рафинированной пищи, жизнь в соответствии с природными ритмами. Телесность в рамках моделей этой группы понимается как гармоничный процесс постоянного совершенствования тела и духа.

Следующая группа – это модели, построенные вокруг идеи осознанной трансформации тела. Существует большое разнообразие методов изменения человеческого тела, здесь в равной степени возможны и востребованы системы питания, фитнес, пластическая хирургия.

Третья группа моделей представлена как еще один из вариантов протеста транслируемой обществом норме телесности, которая понимается как культ стройности, контроля, ограничений. Важнейшей её характеристикой является стремление к удовлетворенности собственным телом, его функциональностью и уделение ему внимания без трансформации. Телесность в этой группе понимается как субъективная удовлетворенность собственным телом, не требующим больших инвестиций, похожим на тела

многих, занятых малоподвижным трудом и не выделяющимся на общем фоне.

Процесс трансформации бесконечен, создание собственного тела представляет собой творческий процесс, не имеющий конца.

Отличительной особенностью интернальных стратегий является ориентированность на субъективное понимание красоты и комфорта тела, не нарушающие, вместе с тем, общих представлений о «нормальном» теле. Целью таких стратегий является обретение контроля за собственной жизнью через контроль над телом.

Интернальные стратегии реализуются через системы практик, выбираемых осознанно, с учетом личных целей и предпочтений. Отличительной чертой этого вида стратегий является не приближение к идеалу, транслируемому современной культурой, а субъективный комфорт, удобство жизни в собственном теле. Интренальные стратегии предполагают использование тех же моделей конструирования, что и экскретнальные, но с одним большим отличием. В их рамках на первое место выходит «Забота о себе» и, как следствие, физические практики, такие как фитнес, гимнастики, йога и т.д. имеют своей целью стремление к улучшению качества жизни. Личная ответственность за тело и здоровье влекут за собой осознанное конструирование тела, включающее при необходимости хирургическое вмешательство, критический подход к системе питания и фармакологической поддержки.

Принципиальное отличие двух видов стратегий в том, что интернальные стратегии ориентированы на естественные возможности тела и принятие его таким, какое оно есть, без стремления его искусственно улучшить, изменить и наказать. На наш взгляд, практиками данной группы являются системы избирательного питания, такие как кето-диета, без глютеновое питание, систематические осознанные скрининги, плановые операции, имеющие превентивный характер.

Интернальные стратегии в той же мере порождение мифа о естественности, как и экстернальные, но их принципиальное отличие – это сохранение личного контроля за процессом, личной ответственности за сделанный выбор.

Экстернальные стратегии конструирования делятся на две группы: социально-ориентированные стратегии и девиантные стратегии. Они наследуют идею внешнего контроля за телесность из традиций дисциплинарного общества. Тело представляется как изначально слабое, безвольное, противодействующее личности. Это тело нуждается во внешнем контроле. Модели, используемые для конструирования в рамках данной стратегии напрямую связаны с пониманием телесности как коммерческого продукта: проекты жесткого контроля (так называемые армейские практики в фитнесе), повышение значимости коллективных и институционализированных практик контроля, создание идеологии безвольного и непокорного тела, нуждающегося в системе поощрения-наказания, формирование идеалов, далеких от возможностей людей, не занятых профессиональным спортом. Социально ориентированные стратегии видят своей целью формирование симулякра естественности, манкой и «природной».

Достижение этой «идеальности» и «естественности» возможно только путем длительного и дорого процесса конструирования, включающего контроль за питанием, фитнес, медицинские вмешательства, но при этом, постоянную неудовлетворенность собственным телом.

Важной практикой социально ориентированных стратегий стали диета и спорт, понимаемые не как проявление **самоограничения человека из-за** стремления достичь общественных идеалов, а как инструмент контроля над собственной жизнью. Важной практикой социально ориентированных стратегий стали диета и спорт, понимаемые не как проявление заботы о себе, а как инструмент контроля над собственной жизнью. Спорт из аристократического хобби или варианта социальной активности, в культуре

постмодерна стал индивидуальной конструктивной практикой, подчиненной цели повышения биомеханической эффективности человеческого тела. Одновременно с дискурсом обязательного идеального и естественного здоровья формируется дискурс дискриминации по физическим параметрам: полноте, недостаточной спортивности, возрасту, отсутствию эстетических вмешательств.

Локус-контроля, характерный для девиантного поведения всегда находится во вне, при этом субъект с ним постоянно конфликтует. Здесь мы можем говорить о двух моделях индивидуального протеста: открытой девиации, проектирующей тело, как осознанный протест и отказ от следования нормам телесности.

Аутоагрессивный характер модификации тела предполагает разрушение «типичного», «социального» и создание уникального «собственного» тела, боль-необходимое условие для рождения, плата за принятие решение. Через сознательно причиненную себе боль происходит принятие изменений, доказательство собственной правоты, отсечение обратного пути. Нанесенный на тело рисунок нередко становится мотивом отказа при работе в некоторых областях, карьерного продвижения, формируя образ человека, склонного к саморазрушению и эпатажному поведению. Модификация тела имеет сегодня статус новой эстетики, пронизанной глубоким символизмом с культурными и этническими корнями, включёнными в субкультурную картину мира.

Одним из знаковых явлений современной культуры становятся сложные межмодельные трансформации: резкое увеличение веса, разительное похудение и обретение формы, увеличение выносливости, силы и т.д. Особое значение для моделей этой группы приобретает тот факт, что большая часть методов, используемых для таких изменений доступна большинству, но требует сил, упорства и отказа от соблазнов индустрии питания и развлечений. Для всех моделей этой группы характерно противопоставление себя навязываемой обществом нормы телесности,

выражающейся в увеличении размеров одежды и обуви, появлении индустрии моделей «Size +», невнимании к телу, отказе от дополнительной физической активности. Эта тенденция сопряжена со стремлением получения дополнительных благ через стигматизацию собственного физического облика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин Б.Г. Человеческая телесность и социальные аспекты ее идентификации: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11: Уфа, 2004 315 с.
2. Андерсон Э.Д. Татуировки как зримые архетипы: знаковые достопримечательности на карте души / Э.Д. Андерсон [Электронный ресурс]. URL: <http://castalia.ru/posledovateli-yunga-perevody/2122-emili-dzheyn-anderson-tatuirovki-kak-zrimyie-arhetipyi-znakovyie-dostoprimechatelnost-i-na-karte-dushi-glava-ii-obzor-literaturyi.html> (дата обращения 03.08.2014)
3. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб: Питер Ком, 1999. 416 с.
4. Батай Ж. История эротизма М.: Логос: Европейские издания, 2007. 200 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика, Культурная Революция, 2006. – 272 с.
8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет» 2000. 387 стр.
9. Бурдьё П. Начала. М.: Socio- Logos, 1994, 288 с.
10. Быховская И.М. «Номо somatikos»: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000, с.208.
11. Быховская И.М. Телесность как социокультурный феномен // Культурология. XX век : словарь / гл. ред. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 464–467
12. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, 808 с.
13. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008, 298 с.

14. Гваттарри Ф., Делёз Ж. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009, 261 с.
15. Гидденс Э. Девять тезисов о 3 будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем: альманах. М.: Зима. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 57–82
16. Гольман Е.А. О реальных и воображаемых женских телах: проблема соотношения тела и гендера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI, № 3 (68). С. 188–205.
17. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч.1: Исследования по феноменологии и теории познания М.: Академический проект, 2011. 565 с.
18. Давыдов Ю.Н. Культура – природа – традиция // Традиция в истории культуры. М. : Наука, 1978. С. 41–60.
19. Делёз Ж. Post scriptum к обществам контроля // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: «Наука», 2004. С. 226–233.
20. Делез Ж. Общество контроля // Элементы. Евразийское обозрение. № 9. 1998. С. 67-95.
21. Деррида Ж. Голос и феномен. М.: Алетейя, 1999, 208 с.
22. Жаров Л. В. Человеческая телесность: философский анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского Университета, 1988. 128 с
23. Ильиных С.А. Социальное конструирование тела: хабиутализация и институционализация // Modern problems and ways of their solution in science, transport, production and education 2013. №2. Т.21. С. 67-75.
24. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: - М.: Политиздат, 1990. 415 с.
25. Коваленко М.С. Взаимосвязь тела и телесности как проблема социальной философии // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 4. С. 333-340.
26. Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. №4. С. 143–151

27. Куркин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. Т. 10. №1-2. 2011 с.56-75
28. Курочкина Л.Я., Петрушина В.Н. Концепция власти М. Фуко // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9. № 6-1. С. 116-119.
29. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном (сборник). М.: «Русское феноменологическое общество», издательство «Логос», 1997. 184 с.
30. Леви Т.С. Психология телесности в ракурсе личностного развития // Психология телесности между душой и телом / Ред.сост. В.П.Зинченко, Т.С. Леви. М., 2005. С. 410—434.
31. Леви, Т. С. Пространственно-телесная модель развития личности // Психологический журнал. Т 28. - 2008. - № 1. - С. 23-33.
32. Литвинова, Т.И. Конструирование социальной реальности. Механизмы возникновения дисциплинарных пространств // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2013. № 3 (25). С. 158–168
33. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Издательство «Лань», 1997, с.384.
34. Марсель Г. Метафизический дневник. СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2005. 587 с.
35. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М: «Ювента», «Наука», 1999. 605 с.
36. Мусиец, П.В. Концептуальное поле категории "тело" с позиций социального конструкционизма // Вестник Томского государственного университета = Tomsk State University Journal. 2014. № 385 (август). С. 62-68.
37. Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. 230 с.
38. Человеческое тело в культуре и моде последней трети XX-начала XXI вв // Известия Российского Государственного педагогического

39. Никитин В.Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд. М.: Когито - Центр, 2006, 320 с.
40. Огурцов А.П. Тело // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина и др. М. : Мысль, 2001. Т. 4. 605 с.
41. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000, с. 880.
42. Петровский, А. В.; Ярошевский, М. Г. Психология. Учебник для вузов по пед. специальностям. — М.: Академия, 1998. — 500 с
43. Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995, с 341.
44. Рогозин В.М. Как можно помыслить тело человека или на пороге антропологической революции // Философские науки. 2006. №5. С. 33-35.
45. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
46. Сироткина И.Е. Шестое чувство авангарда: танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 208 с.
47. Станковская Е.Б. Специфика современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Вопросы гуманитарных наук, N 5, 2010. С. 110-114
48. Степанов М. А. Опыт мышления тела / М.А. Степанов // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 353-359.
49. Тищенко П.Д. Жизнь и власть: Био-власть в современных структурах врачевания // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып.4 / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010. 255 с.
50. Тищенко П.Д. Тело // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина и др. М. : Мысль, 2001. Т. 4. 605 с.

51. Три тела в душе: Виктор Мазин о соотношении реального, воображаемого и символического // Теории и практики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/7650-mazin>. (Дата обращения 20.04. 2018).
52. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002, 287 с.
53. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
54. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. Т. 9. С. 65
55. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. - М.: ООО «Фирма СТД», 2006. Т. 3, с.291-353.
56. Фромм Э. // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. С. 185-437.
57. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум. Изд. дом «Касталь», 1996. 446 с.
58. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
59. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: «Ad Marginem», 1999. 480 с.
60. Ханиш К. Личное – это политическое. [Электронный ресурс] // Womenation. Информационный портал женского освободительного движения. Режим доступа: <http://womensation.org/hanisch-personal-is-politica>. (Дата обращения 30.04. 2018)
61. Чачанидзе Г. Д. Проблема телесности в философии Ж.-П. Сартра // Сумма философии. Вып. 6. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 190-195.
62. Шнырева О.А. Татуировка как социальное письмо // Вестник Удмурдского университета. 2009.Вып. I. с.103-106.

63. Щепанская Т.Б. Антропология молодёжного активизма // Молодёжные движения и субкультуры Санкт-Петербурга. СПб.: Норма, 1999. С. 262–302.
64. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Издательство «Ренессанс», 1991. 304 с.
65. Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Медков С.Б., 2006, с.352.
66. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: «Канон+» РООИ – «Реабилитация», 2012. 384 с.
67. Jeffreys S. Body Art and Social Status : Cutting, Tattoing and Piercing from a Feminist Perspective // Feminism and Psychology. – 2000. – Vol. 10, iss. 4. – P. 409–430.
68. Orbach S. Bodies. Profile books, 2009, 160 pp.
69. Tattoing and Piercing from a Feminist Perspective // Feminism and Psychology. – 2000. – Vol. 10, iss. 4. – P. 409–430.